

Рудольф Штейнер
Из Ga 194: Посланничество Михаэля.
Откровение тайн человеческого существа

<http://www.anthroposophy.ru/index.php?go=Files&in=view&id=32>

МИССИЯ МИХАИЛА
Раскрытие особенных тайн человеческого существа

Лекция I

Дорнах, 21 ноября 1919 г.

В эти дни лекций я хочу сказать о взаимоотношениях, которых мы, люди современности, можем достичь с той духовной силой, которая, как сила Михаила, вступает в духовные, а также и во все остальные события Земли. Сегодня нам необходимо подготовиться к этой задаче. Нам нужны различные точки зрения, которые помогут человеческому пониманию действительно представить различные вмешательства только что названной силы, исходя из симптомов, которые мы ведь повсюду замечаем в нашем окружении. Мы всегда должны иметь в виду, если хотим серьезно говорить о духовном мире, что мы постоянно можем видеть проявления духовных сил здесь, в физическом мире. Мы пытаемся в известной мере проникнуть через завесу физического мира к тому, что действует в духовном мире. То, что существует в физическом мире, может наблюдать каждый; то, что действует в духовном мире, служит для разрешения загадок, которые ставит физический мир. Но только мы должны верно чувствовать загадки физической жизни. В связи с этими важными вопросами необходимо со всей серьезностью воспринять то, что я говорил в недавних лекциях (“Пневматософия. Загадка внутреннего существа человека”). Невозможно связать личные взгляды на мир с истинным пониманием того, что глубоко касается не только всего человечества, но и всего мира. Мы должны освободиться от чисто личных интересов. Как раз таким образом мы можем лучше всего достичь понимания места и ценности личности во вселенной, если освободимся от всего личного в узком смысле.

Вы знаете, что эволюции нашей *Земли* предшествовала другая эволюция; знаете, что мы находимся внутри космической эволюции. Во-первых, вы знаете, что эта эволюция поступательная; что она достигла некоторого пункта, за пределы которого она выйдет, перейдя к следующим, более прогрессивным стадиям. Во-вторых, вы знаете, что если мы рассматриваем вселенную, как таковую, нам приходится иметь дело не только с существами, которых мы встречаем в земной сфере, то есть, в минеральном, растительном, животном и человеческом царствах, но мы имеем также дело с существами, принадлежащими к высшим царствам,

мы обозначаем их как *существ высших Иерархий*. Если мы говорим об эволюции в ее полноте, то мы всегда должны принимать во внимание эти существа высших Иерархий.

Эти существа, в свою очередь, также проделывают развитие, которое мы сможем понять, если найдем аналогии в нашей собственной человеческой эволюции, в той эволюции, что имеет место в различных царствах Земли. Рассмотрим следующее. Вы знаете, что мы, человеческие существа, прошли через эволюцию *Сатурна, Солнца, Луны* и достигли нашей *Земли*. Таким образом, рассматривая нашу космическую эволюцию, мы можем сказать, что как человеческие существа, какими чувствуем себя в окружающем мире, мы достигли четвертой стадии нашей эволюции.

Рассмотрим теперь существ, которые стоят непосредственно выше нашей человеческой ступени развития, — тех, кого мы называем *Ангелами*. Если мы хотим просто провести аналогию, то мы можем сказать: эти существа, хотя их форма совершенно отлична от человеческой и они прежде всего невидимы для физических внешних чувств человека, находятся на эволюционной стадии *Юпитера*.

Обратимся теперь к *Архангелам*, они находятся на той стадии эволюции, которой человечество достигает на *Венере*. А если мы обратимся к *Архаям, Духам Времени*, существам, которые особенно вмешиваются в нашу земную эволюцию, то они уже находятся в эволюции *Вулкана*.

Здесь возникает важный вопрос. Если мы обратимся к существам еще более высокого ранга, к Иерархии так называемых *Духов Формы*, на какой найдем мы их стадии? Мы должны ответить: они уже прошли все те стадии эволюции, которые мы, человеческие существа, представляем себе, как наши стадии эволюции в будущем. Они уже вышли за пределы эволюции *Вулкана*. Если мы рассматриваем нашу собственную эволюцию, как состоящую из семи стадий, что достаточно для настоящего рассмотрения, мы должны сказать, что Духи Форм достигли *восьмой стадии*. Мы, человеческие существа, достигли четвертой стадии эволюции, если мы обратимся к восьмой стадии, то найдем Духов Формы.

Мы не должны представлять эти последовательные стадии эволюции как существующие бок о бок, но должны представлять их себе проникающими друг друга. Как атмосфера окружает и пронизывает землю, так же и восьмая сфера эволюции, к которой принадлежат Духи Форм, проникает сферу, в которой живем мы, люди. Рассмотрим теперь пристальнее еще две стадии эволюции.

Повторим: мы, человеческие существа, находимся в сфере, которая достигла четвертой эволюционной стадии. Однако, мы существуем также, если пренебречь всем остальным, в области, которую Духи Форм, вокруг нас и сквозь нас, считают своей. Рассмотрим теперь конкретно человеческую эволюцию. Мы часто проводили различие между развитием головы и развитием остального человеческого тела. Развитие последнего мы также расчлняем на две отдельные части — развитие груди (туловища) и развитие конечностей. Пренебрежем последним разделением и будем рассматривать человека как имеющего, с одной стороны, то, что принадлежит к развитию головы, и с другой стороны, все

то, что принадлежит остальному человеку.

Теперь вообразим следующее. Перед нами морская поверхность. Человеческое существо, как бы переходя вброд море, движется в нем, продвигаясь вперед и только голова его поднимается над поверхностью воды. В этом образе — конечно, это только образ — вы имеете положение современного человеческого существа. Все то, в чем коренится голова, мы должны рассматривать как принадлежащее к четвертой стадии эволюции, все же то, в чем человек движется вперед, идя вброд или пlying, мы должны обозначить как восьмую стадию эволюции. Ибо своеобразие как раз в том, что человек некоторым образом перерос в своей голове тот элемент, в котором Духи Формы разворачивают свое, свойственное им существо. В отношении образования своей головы человек стал, как бы эмансипирован от той сферы, которая проникнута сущностью Духов Форм.

Только основательно усвоив это, можем мы действительно прийти к пониманию человека. Ибо только тогда сможем мы верно понять особенное положение человека во Вселенной; только тогда станет нам ясно, что когда человек испытывает на себе творческое влияние Духов Форм, то он испытывает его не непосредственно через способности головы, а косвенно, через воздействие своего остального организма на голову. Мы все знаем, что дыхание связано с кровообращением в смысле внешней физиологии. Но кровь протекает также и в голове, создавая органическую, жизненную связь головы с остальным организмом. Голова питается, поддерживает свою жизнь от остального тела.

Мы должны точно различать две вещи. Первое — тот факт, что голова находится в прямой связи с внешним миром. Если вы видите какой-то предмет, вы усматриваете его посредством ваших глаз; здесь существует непосредственная связь между внешним миром и вашей головой. Однако, если наблюдаете жизнь вашей головы, — то, как она поддерживается процессами дыхания и кровообращения, вы увидите кровь, поднимающуюся из остального организма в голову, и вы можете сказать, что здесь имеется не прямая, а только косвенная связь между вашей головой и окружающим миром.

Разумеется, вы не должны сказать педантично: раз воздух вдыхается через рот, значит процесс дыхания также принадлежит к голове. Поэтому мною было сказано, что это лишь образ. Органически то, что принимается через рот, принадлежит в действительности не голове, но всему остальному организму.

Обратите ваше внимание на эти два основных понятия, которыми мы только что овладели; сосредоточьте ваше внимание на той идее, что мы находимся внутри двух сфер: сферы, в которую мы вошли, пройдя через эволюцию *Сатурна*, *Солнца* и *Луны* и находимся ныне в сфере эволюции *Земли*, которая является четвертой стадией нашей эволюции; кроме того, мы живем в сфере, принадлежащей *Духам Формы* подобно тому, как Земля принадлежит нам, но которая, как восьмая сфера, проникает нашу Землю и наш организм, за исключением нашей головы и всего, что является деятельностью внешних чувств. Если мы сосредоточим наше внимание на этих фактах, то создадим основу для дальнейшего.

Но сначала позвольте мне создать надежную основу при помощи еще

других понятий. Если мы хотим рассмотреть нашу жизнь, как протекающую под подобными влияниями, то мы должны принять во внимание существ, о которых мы часто упоминали, как о принимающих участие в мировых событиях: это — *Люциферические* и *Ариманические* существа. Сосредоточим для начала наше внимание на самых внешних свойствах этих существ. Они пребывают в тех же сферах, в которых живем мы, люди. Рассматривая самым внешним образом, мы можем представить себе все Люциферические существа, обладающими теми способностями, которые мы наблюдаем в себе, когда в нас возникают склонность к фантазерству, когда мы односторонне предаемся деятельности фантазии, мечтательности и восторженности, когда мы (если я смею прибегнуть к образному выражению) стремимся *“прыгнуть выше своей головы”*. Если мы, как люди, стремимся *“прыгнуть выше своей головы”*, то тут действуют силы, которые играют известную роль в нашем организме, но которые являются космическими силами тех существ, которых мы называем Люциферическими. Представьте существа, образованные полностью такими силами, которые внутри нас побуждают *“прыгнуть выше своей головы”*, и вы будете иметь представление о люциферических существах, которые имеют определенное отношение к нашему человеческому миру.

Теперь подумайте наоборот обо всем том, что придавливает нас вниз, к земле, что делает нас трезвыми филистерами, что толкает нас к развитию материалистических взглядов, — подумайте обо всем, что существует в нас как сухой рассудок, и вы будете иметь *Ариманические силы*.

Все, что я здесь описал со стороны душевной, может быть также описано и со стороны телесной. Можно сказать, что человек, собственно, всегда находится в среднем положении между тенденциями своей крови и тенденциями своих костей. Кости постепенно стремятся привести нас в состояние окостенения, другими словами, *“ариманизировать”* наши тела, сделать их жесткими. Кровь же хотела бы вытолкнуть нас из нас самих. Выражая это в патологических терминах, скажем, что кровь может стать лихорадочной. И тогда человек органически впадает в фантазерство. Кости тоже могут распространить свою природу на весь остальной организм. Тогда человек делается окостенелым, становится склеротичным, как это до некоторой степени происходит почти с каждым в старые годы. Тогда он несет в своем организме мертвящий элемент, иначе говоря, Ариманический элемент. Мы можем сказать: *все, что живет в крови, тяготеет к Люциферическому, а все, что живет в костях, тяготеет к Ариманическому*. И человек должен соблюдать равновесие между этими двумя тенденциями, подобно тому, как в своей душе он должен быть равновесием между восторженной мечтательностью и трезвым филистерством.

Но мы можем охарактеризовать эти два рода существ — также с более глубокой точки зрения. Понаблюдаем Люциферические существа и посмотрим, какие интересы имеют они в космическом бытии. Мы найдем, что главным их интересом является заставить мир, именно мир людей, отпасть от тех духовных существ, на которых человек должен смотреть как на своих истинных создателей. Люциферические существа стремятся ни больше ни меньше, как заставить мир отпасть от Божественных существ.

Поймите меня правильно: намерением Люциферических существ не является в первую очередь присвоить себе Вселенную. Из различных характеристик их, которые я уже давал, вы можете сделать вывод, что это не является их главным намерением: их главным намерением является освободить мир от того, что человек ощущает, как свою собственную Божественную Сущность, побудить отпасть от нее.

Ариманические существа имеют другое намерение. Они питают решительное намерение сделать человеческое царство и всю остальную землю подчиненными их сфере могущества, сделать человека зависимым от них, добиться прежде всего власти над людьми. В то время как Люциферические существа и прежде, и теперь, работали и работают над тем, чтобы побудить людей отпасть от того, что они могут ощущать как свое Божественное, Ариманические существа стремятся постепенно повлечь человечество и все, что связано с ним, в свою сферу могущества.

Таким образом, в пределах нашего Космоса, в который включены мы, как люди, происходит битва между Люциферическими существами, постоянно стремящимися к *свободе*, и Ариманическими существами, непрестанно стремящимися к *власти* и всемогуществу. Эта битва проникает во все, в чем мы живем.

Пожалуйста, запомните этот факт, как вторую, важную для наших дальнейших рассматриваний, идею. Мир, в котором мы находимся, пронизан Люциферическими и Ариманическими существами, и в нем наличествует этот страшный контраст между освободительной тенденцией Люциферических существ и тенденцией к власти Ариманических существ.

Если вы взвесите все это, то должны будете сказать себе: я буду в состоянии понять мир только тогда, если представлю его себе с числом три, — *тройственным*. Ибо мы имеем с одной стороны — Люциферическое, а с другой стороны — Ариманическое, и находящегося посередине человека, который, как третий элемент, находясь в равновесии между теми двумя, может ощущать свое Божественное. Мы только тогда придем к пониманию мира, если будем основываться на этой тройственности и ясно осознаем, что человеческая жизнь — это коромысло весов! Вот опора: с одной стороны — чашка весов с Люциферическим элементом, толкающим ее вверх; с другой стороны — чашка весов с Ариманическим элементом, тянущим вниз. Удерживать коромысло весов в равновесии и означает сущность человека. Все те, кто были посвящены в подобные тайны духовного развития человечества, всегда подчеркивали тот факт, что космическое бытие, в которое включен человек, только тогда может быть понято, если оно представляется в смысле тройственности; что оно не может быть, если рассматривается, исходя из какого-либо иного числа, кроме как три. Итак, мы можем сказать, прибегая к нашим выражениям: мы имеем дело с тремя главными факторами в космическом бытии; это — Люциферический элемент, представляющий одну из чаш весов, Ариманический элемент, представляющий другую чашу весов, и состояние равновесия, которое представляет *Импульс Христа*.

Вы можете понять, что в интересах Люциферических и Ариманических сил — полностью скрыть эту тайну тройственности. Ибо правильное

постижение этой тайны тройственности ведь помогает человечеству установить состояние равновесия между Люциферическими и Ариманическими силами. Это означает использовать с одной стороны Люциферическое стремление к свободе в благих космических целях, и с другой стороны — достичь того же с Ариманическим элементом. Нормальное духовное состояние человека состоит в том, чтобы правильным образом поставить себя во взаимоотношения с этой троицей, с этой тройственной структурой мира.

Ибо в том, что оказывало и оказывает влияние на человеческую духовную и культурную жизнь, есть сильная тенденция сбить с толку человека в отношении этого значения тройственности. Мы можем отчетливо наблюдать в современной культуре, что концепция тройственности почти полностью заслоняется концепцией двойственности. Если мы хотим понять “Фауста” Гете, то должны учесть, как я часто указывал, что эта сбивчивость и тройственность отношений повлияла даже на эту великую космическую поэму. Если бы Гете в свое время уже имел ясное представление об этом, то он не представил бы Мефистофелевскую власть как единственного противника Фауста, который тянет Фауста вниз, но он противопоставил бы этой Мефистофелевской власти, — о которой мы знаем, что она идентична Ариманической — Люциферическую, и тогда Люцифер и Мефистофель выступили бы в “Фаусте” как два противоборствующих существа. Я говорил об этом неоднократно. Если мы будем изучать фигуру Гетевского Мефистофеля, то ясно увидим, что Гете, характеризуя Мефистофеля, постоянно путает Люциферический и Ариманический Элементы. Гетевский Мефистофель является фигурой, более или менее смешанной из этих двух элементов. В ней нет единообразия. Люциферический и Ариманический элементы пестро перемешаны в ней. Я сказал об этом более подробно в моей брошюре “Духовный склад Гете”.

Эта путаница, которая вторглась даже в “Фауста” Гете, основывается на заблуждении, утвердившемся в ходе новейшего развития человечества (в прежние времена это было иначе) — на замене тройственности двойственностью в понимании структуры мира: С одной стороны — Доброе начало, а с другой — Злое начало, Бог и Черт.

Итак, мы должны твердо установить, что если человек желает постичь фактическую структуру мира, то он должен признать *тройственность*: два противоположных элемента — *Люциферический* и *Ариманический*, и *Божественное*, которое сохраняет равновесие между теми двумя. Эта концепция должна быть противопоставлена заблуждению, вкравшемуся в духовное развитие человечества в виде идеи двойственности, идеи о Боге и Дьяволе, о Божественно-духовных силах вверху и дьявольских силах внизу. Это, можно сказать, выбивает человека из равновесия, если от него сокрыт факт, что верное понимание мира может проистекать только из истинной концепции тройственности, а его заставляют поверить, что мировая структура определяется двойственностью. Случалось, наилучшие человеческие стремления подпадали под власть этой ошибки.

Если мы хотим углубиться в это, то мы должны делать это безо всякого предубеждения; мы должны вступить в сферу мышления, действительно

свободного от предубеждений. Мы должны научиться проводить тщательное различие между самой вещью и ее наименованием. Мы не должны поддаваться обманчивой мысли, что, дав какое-либо название тому или иному существу, мы уже верно испытали и ощутили это существо с точки зрения человека.

Если мы думаем о тех существах, которые человек должен ощутить, как свои Божественные существа, то следует сказать себе: мы только тогда верно ощущаем эти существа, если представляем их себе осуществляющими равновесие между Ариманическими и Люциферическими началами. Мы никогда не сможем верно ощутить Божественное, если не постигнем эту тройственность. Рассмотрите с этой точки зрения *“Потерянный рай”* Мильтона или *“Мессиаду”* Клапштока, возникшую под влиянием *“Потерянного рая”*. Вы не найдете там ничего от действительного понимания трехчленной структуры мира; вы найдете вместо этого битву между Небом и Адом. Вы встречаетесь там с глубоким заблуждением с идеей двойственности, внесенной в духовное развитие человечества. Вы находите то, что укоренилось в народном сознании, как совсем ложное представление о противоположности Неба и Ада, привнесенным в эти две космические поэмы нового времени.

Это ничего не дает, что Мильтон и Клапшток именуют небесных существ Божественными. Таким образом человек сможет ощутить их только тогда, если в основу будет положена тройственная структура бытия Вселенной. Тогда только возможно будет сказать, что имеет место битва, которая ведется между Добрым и Злым началами. Но ведь положение вещей рисуется так, что предполагается двойственность, одному из членов которой приписывается все доброе и он получает имя, принадлежащее собственно Божественному, в то время как другой член представляет собой дьявольский, антибожественный элемент, что же означает это в действительности? Ничто иное, как удаление действительно Божественного из сознания и присвоение Божественного имени Люциферическому началу; так что в действительности мы имеем изображение битвы между Люцифером и Ариманом; только Ариман награжден Люциферическими атрибутами, а царству Люцифера приданы божественные атрибуты.

Вы видите, какие далеко идущие последствия обнаруживает такое наблюдение. В то время как люди думают, что они имеют дело с противоположностью Божественного и Адского, как они описаны в *“Потерянном Рае”* Мильтона и *“Мессиаде”* Клапштока, в действительности же они имеют дело с Люциферическими и Ариманическими элементами. О действительном истинно Божественном элементе, там нет никакого понятия; вместо этого Люциферический элемент наделен Божественными именами.

“Потерянный Рай” Мильтона и *“Мессиада”* Клапштока — это духовные произведения, которые проистекают из человеческого сознания нового времени. То, что проявляется в них, живет в сознании человечества, ибо заблуждение двойственности вошло в современное сознание людей нового времени, а истина тройственности отброшена. Самые глубокие произведения, созданные в новое время, которые с известной точки

зрения по праву считаются принадлежащими к величайшим творениям человечества нового времени, являются майей, культурным наваждением, проистекая из величайшего заблуждения человечества нового времени. Все, что действует в этой глубоко ложной концепции, является творением Ариманических влияний, тех влияний, которые в будущем сконцентрируются в воплощении Аримана, о чем я уже говорил. Ибо эта глубоко ложная концепция, в которой мы ныне оказались, является следствием того ложного взгляда на мир, повсюду свойственного людям нового времени, культуре нового времени, что противопоставляется Небо и Ад. Небо рассматривается как Божественный элемент, а Ад — как дьявольский элемент, в то время как на самом деле мы имеем дело с Люциферическим элементом, именуемым небесным, и Ариманическим элементом, называемым адским.

Вы должны осознать, — какие интересы правят духовной историей нового времени. Даже концепция тройственности природы человеческого организма или человеческого существа в целом была в известном смысле уничтожена западной цивилизацией посредством постановлений восьмого Вселенского Собора в Константинополе в 869 году. Я часто упоминал об этом. Тогда была установлена догма, что христианин должен верить не в тройственность человеческого существа, но только в его двойственность. На веру в тело, душу и дух был наложен запрет, и средневековые теологи и философы, знавшие еще достаточно много об истинном положении, имели немало затруднений при искажении этой истины, ибо так называемая *трихотомия*, трехчленность человеческого существа из тела, души и духа, была объявлена ересью. Они были вынуждены учить двойственности, а именно тому, что человек состоит из тела и души, а не из тела, души и духа. И некоторые существа, некоторые люди очень хорошо знают, какое огромное значение для человеческой духовной жизни имеет эта замена тройственности двойственностью.

Мы должны суметь заглянуть в такие глубины, если хотим правильно понять, почему в августовском номере журнала “Голоса времени” иезуит, патер Циммерман привлекает внимание к одному из новых декретов Святой Службы в Риме, запрещающий католикам получение после исповеди отпущения грехов, если они читают или имеют Теософские сочинения, или они принимают участие в чем-либо Теософском. Иезуитский патер Циммерман разъясняет это постановление своей статьей в “Голосах времени”, заявляя, что оно относится прежде всего к моей антропософии и что те, кто желает, чтобы их считали истинными католиками, не должны интересоваться антропософской литературой. Он приводит как одну из основных причин этого именно то, что Антропософия различает тело, душу и дух и, следовательно, учит ереси вопреки ортодоксальному верованию, что человек состоит из тела и души.

Я уже упоминал ранее, что современные философы приняли это разделение лишь на тело и душу; не сознавая этого, они верят, что они занимаются свободной от предубеждений наукой, они верят, что они проводят объективные наблюдения, которые приводят их к убеждению, что человек состоит из тела и души. Однако, на самом деле, они следуют по пятам за той догмой, что проникла в духовное развитие нового

времени. То, что ныне считается наукой, полностью зависит от таких вещей, которые были внесены в мир в ходе развития человечества нового времени. Не верьте тому, что вы сможете какими-либо добрыми словами (с какими, вы думаете, вообще следует обращаться к людям) обратить людей из этого круга, которые так клеветают на антропософию; не думайте, что вы сможете добиться их расположения к антропософии. Антропософия должна проложить себе дорогу в мире своей собственной силой, а не посредством какой-либо протекции или какой-либо власти, какой бы христианской она не казалась. *Только с помощью внутренней силы сможет антропософия достичь того, что должно быть достигнуто ею в мире.*

Вы должны ясно представить себе, что импульс Христа может быть понят только тогда, когда увидят, что это — *импульс равновесия* между Ариманическим и Люциферическим, когда Ему отводят должное место в этой троице. Мы можем спросить: что же надо сделать, чтобы обмануть людей в отношении истинного импульса Христа? Для этого нужно отклонить их от понимания истинной троичности мира и привести их к заблуждению двойственности, которая только тогда кажется оправданной, если мы имеем дело с внешней очевидностью, но не тогда, когда мы проникнем в то, что лежит за этой очевидностью, что лежит в сфере истинного бытия.

В подобных вопросах мы должны смотреть дальше того, о чем просто гласят имена; называть ту или иную сущность Христом еще не значит, что это и есть Христос. И можно воспрепятствовать соприкоснуться с Христом, если поставить двойственность вместо троичности. Но если что-либо хочет указать на Христов импульс в его истинном значении, то необходимо, чтобы двойственность была вытеснена троичностью. Нам нет необходимости присоединяться к людям, объявляющим других еретиками; нам нет необходимости объявлять “Потерянный Рай” Мильтона и “Мессиаду” Клапштока, заслуживающими проклятия, дьявольскими сочинениями; мы можем продолжать восхищаться их красотой и величием. Но мы должны ясно понимать, что подобные сочинения, хотя и являются признанным цветом цивилизации нового времени, совсем ничего не гласят о Христе, но проистекают их того заблуждения, что все, что не принадлежит собственно человеческому развитию, должно быть рассматриваемо принадлежащим с одной стороны — царству Дьявола, а с другой стороны — царству Божественного. В действительности же, вместо того, чтобы иметь дело с Божественным, мы просто имеем дело с Люциферическим. “Потерянный Рай” изображает изгнание человека из царства Люцифера в царство Аримана; он описывает тоску человека не по Божественному, но о “Рае”, который им утрачен, а это указывает тоску о царстве Люцифера. Вы должны рассматривать “Потерянный Рай” Мильтона и “Мессиаду” Клапштока как прекрасные описания человеческой тоски по царству Люцифера; так должны вы их рассматривать; потому что таковы они и есть в действительности.

Вы видите, как необходимо пересмотреть некоторые, вступившие в новое время, представления. Если мы серьезны в нашем антропософском мышлении и ощущении, то перед нами встают не незначительные, а очень

важные решения. Перед нами стоит необходимость принять очень серьезно одно выражение Ницше, очень часто им употребляемое, а именно, выражение *“переоценка ценностей”*. Мы должны отнестись к этому очень серьезно. Произведения нового времени человечества очень нуждаются в переоценке.

Это не означает, что мы сами должны сделаться людьми, предающими проклятию еретиков. Мы постоянно исполняем здесь сцены из *“Фауста”* Гете, и я сам, как вы знаете, посвятил десятилетия моей жизни изучению Гете. Но из моей книжки *“Духовный склад Гете”* вы можете усмотреть, что это не сделало меня слепым в отношении ложной характеристики, приданной Гете фигуре Мефистофеля. Это было бы совсем по-филистерски, если бы мы сказали: Мефистофель Гете является фальшивой фигурой, поэтому отбросим его. В этом случае мы поступили бы как инквизиторы. Как современные люди, мы не должны занимать такую позицию. Но с другой стороны, мы не должны беспечно относиться к идеям, вошедшим как бы в плоть и кровь широчайших народных масс в ходе развития духовной жизни нового времени. Оно должно переоценить многие ценности.

Все это связано с миссией Михаила в отношении тех существ высших Иерархий, с которыми он соединен. В последующих лекциях мы покажем, как можно придти к пониманию тех импульсов, которые излучаются сущностью Михаила в наше земное существование.

Лекция 2

Дорнах, 22 ноября 1919 г.

Я сказал в предыдущей лекции о том заблуждении, которое вошло в нашу духовную жизнь нового времени и которое ныне замечают лишь очень немногие. Вы, верно, помните из нашего обсуждения, что, указывая на это заблуждение, мы приходим к очень важному пункту духовнонаучных наблюдений. Для благополучного развития духовной жизни человечества необходимо внести ясность в этот вопрос. Я привлек ваше внимание к таким творениям культуры, как *“Потерянный Рай”* Мильтона и *“Мессиада”* Клапштока, которые порождены широко распространенным мышлением последних столетий. Но я также привлек ваше внимание к тому факту, что именно благодаря таким художественным и вообще духовно выдающимся творениям культуры мы как раз можем заметить опасности, которые встают перед человеческой душевной жизнью, если человек не сумеет ясно понять, что невозможно прийти к истинному, необходимому для него, понятию духа, истинному понятию Христа, до тех пор, пока он представляет себе, что можно постичь структуру Космоса, Духовное при помощи эмблемы двойственности. Проводя различие, исходящее из понятия только

двойственности и усматривая по одну сторону Добро, а по другую — Зло, люди впадают в ту ошибку, что включают в Злое все то, что мы должны обозначить как появившееся с ходом времени Люциферическое и Ариманическое. Люди тогда не отдают себе отчета в том, что они смешивают два космических элемента воедино. Затем они с другой стороны вносят на самом деле Люциферический элемент в понятие Добро; другими словами, люди верят, что они чтят Божественное, познают Божественное, говорят о Божественном по имени, в то время как в действительности они смешивают Люциферическое и Божественное. Отсюда и происходит великая трудность для современности в отношении постижения чистого понятия Божественного и чистого понятия Христова импульса в человеческой и мировой эволюции. В течение последних столетий развития культуры мы привыкли вследствие признания идей двойственности говорить с одной стороны о душевном, а с другой — о телесном или плотском. И мы утратили связь между теми представлениями, которые передают душевно-духовное, и теми, которые передают телесное. Мышление, воление, чувствование — для современных людей означает немногим больше, чем звонкие слова, и это особенно верно в отношении современной школьной психологии. Люди, таким образом, не приходят ни к каким реальным, внутренне содержательным понятиям об этом душевном элементе. С другой стороны, люди говорят о бездуховном материальном, о бездушевном материальном и они словно стучатся в это внешне жесткое, каменно-твердое, бездушное материальное и никак не могут перебросить мост от него к душевному.

Всепроникающее духовное и телесное, которое одновременно есть духовное, распалось для людей на два элемента. Голые теории не построят никакого моста между телесным и духовным, и так как это не удастся, то для всего научного мышления стал характерен этот раскол между телесным и духовным или душевным. Можно сказать: с одной стороны, различные верования, исповедания указывают на некое духовное, не будучи в состоянии объяснить, как это духовное вступает в телесно-плотское и действует там, с другой стороны, бездушное знание, бездушные естественнонаучные наблюдения над телесным не в состоянии нигде сквозь телесные процессы увидеть духовно-душевное, правящее этими телесными процессами. Каждый, кто рассматривает с этой точки зрения естественнонаучную концепцию мира, как она развилась в течение девятнадцатого столетия, должен сказать сам себе: все в этой концепции Вселенной есть результат того, что было только что охарактеризовано. С целью полностью раскрыть то заблуждение, которое сегодня скрывает реальность, мы должны сначала установить эту реальность. Это мы можем сделать в ходе подробных обсуждений. Сегодня человеческое существо рассматривается как единое, нераздельное существо, независимо от того, говорим ли мы о душе или о теле. Со стороны душевной человек рассматривается как единое существо; и со стороны телесной он рассматривается тоже как единое существо. Однако, из наших прежних рассмотрений вы можете вспомнить, что в человеческом существе прежде всего существует великая противоположность между образованием головы и всем остальным его

организмом. Эта остальная часть человеческого тела может быть подразделена дальше, но для настоящего рассмотрения примем ее за целое. Если мы исследуем развитие человеческого существа, то совсем иначе обстоит дело с образованием головы по сравнению с формированием остального тела.

Если мы направим внимание на образование головы, прежде всего с чисто телесной стороны, в той мере, в какой это образование содержит органы для восприятия внешнего мира и для мышления, то мы можем заглянуть далеко назад, в космическую эволюцию человека. То, что находит сегодня выражение в образовании головы, развивалось и преобразовывалось постепенно. Это развитие происходило в мирах древнего Сатурна, древнего Солнца и древней Луны, и затем продолжалось в течение эволюции Земли. Но так обстоит дело с остальным человеческим телом. Совершенно неверно было бы искать единую историю эволюции всего человеческого существа в целом. Мы можем сказать (д-р Р. Штайнер рисует на доске): образование головы указывает назад, на предыдущие планетарные стадии развития нашей Земли, — на эволюцию Луны, Солнца, Сатурна; развитие, которое нашло свое завершение в образовании человеческой головы, идет издалека. Если мы обратимся к тому, что принадлежит к остальному телу человека, нам не придется возвращаться так далеко, как к эволюции древнего Сатурна. Образование груди (туловища) может быть прослежено назад только до эволюции древней Луны; конечности же добавились к человеческому существу только в течение эволюции Земли.

Мы можем верно рассматривать человеческое существо, только прибегнув к следующему сравнению. Но, пожалуйста, примите это только как сравнение.

Вы легко можете предположительно вообразить, что благодаря некоторым органическим условиям в Космосе, благодаря некоторым состояниям приспособления, связанным с условиями внутреннего роста, человеческое существо может вырастить себе какие-то новые конечности. Вы не будете тогда прослеживать все человеческое формообразование в его предшествовавшей эволюции, но скажете: человек как эволюционирующее существо может быть прослежен далеко в прошлое, но та или иная конечность добавилась позднее лишь в определенный момент. Причина, почему мы не смеем думать таким образом по отношению к голове, заключается не только в том, что по своим внешним пространственным размерам остальной организм человека больше, чем его голова, истина в том, что образование головы уходит далеко вглубь эволюции, а остальная часть человеческого организма прибавилась позже. Если мы хотим вообще говорить об эволюционной связи человека с животным миром, то мы можем только сказать следующее: человеческая голова восходит назад, к ранней стадии эволюции животного, человеческая голова — это преобразованная животная форма, весьма сильно преобразованная животная форма.

В те времена, когда животные еще не существовали, человеческое существо при совершенно иных физических условиях имело животную форму. Животные возникли, развились только позже. Однако, та часть

человеческого существа, которая имела животную форму, превратилась в то, что сегодня является головой человека, а то, что было добавлено к голове, как остальной человеческий организм, добавлялось в то время, когда происходило одновременное развитие животных. Таким образом, оно не имеет ничего общего с истинным происхождением от животного. Мы можем установить следующее. Кажущаяся наиболее благородной частью человеческого существа голова восходит назад, к животному; в отношении головы человеческое существо само имело некогда род животной формы. Наш же остальной организм мы получили как органическое добавление к голове, во время той космической эволюции, при которой имело место параллельное развитие животных.

В некотором смысле голова сделалась нашим органом мышления. Наш орган мышления является той нашей частью, которая, если можно употребить такое выражение, имеет животное происхождение. Если вы рассматриваете сегодня человеческую голову, то вы не сразу обнаружите анатомически те черты, которые указывают назад, на животную форму. Однако, при более точном исследовании с правильной интерпретацией форм органов головы, вы распознаете их как преобразованные органы животного.

Учитывая все это, мы должны в то же самое время сказать, что трансформация головы из животной формы к человеческой форме привела к тому, что человеческая голова уже вступила в обратную (регрессивную) эволюцию. То, что на ранних стадиях эволюции было полно жизненности, находится в человеческой голове уже на пути умирания. Я однажды уже сказал следующее: "Если бы мы, как люди, были только головой, мы вовсе не смогли бы жить, мы непрестанно умирали бы, так как органические процессы, совершающиеся в голове силами самой головы, являются не процессами жизни, а процессами умирания". Человеческая голова постоянно поддерживается живой остальным организмом. Голова обязана остальному организму своим участием в общей жизни организма. Если бы голова просто положились бы на те силы, для которых она организована, то есть на силы чувственного восприятия и мышления, то она была бы непрестанно умирающей. Ее постоянной тенденцией является умирание; она должна быть постоянно оживляема заново. Когда мы мыслим, когда мы воспринимаем нашими органами внешних чувств, тогда в нашей голове, в нашей нервной системе, ее связях с органами внешних чувств, имеет место процесс, противоположный жизненному процессу, например, роста. Ибо, если бы такой процесс возник в голове, то мы впали бы в глубокий сон, мы никогда не смогли бы ясно мыслить. Только благодаря тому факту, что смерть постоянно пронизывает нашу голову, что в ней идет непрерывная обратная (регрессивная) эволюция и органические процессы в ней постоянно оттесняются, в нашей голове могут иметь место мышление и чувственное восприятие.

Кто пытается материалистически объяснить мышление и чувственное восприятие внешних чувств, исходя из процессов, происходящих в мозгу, тот совсем не знает, какие именно процессы происходят в нашей голове, он верит, что происходящие там процессы могут быть сравнены с

процессами органического роста и подобными им. Но это не так. Процессы, протекающие параллельно с чувственным восприятием и мышлением, являются разрушительными процессами, — процессами отмирания и распада. Органическое, материальное должно сначала подвергнуться распаду, разрушению; затем над органическим процессом разрушения возникает процесс мышления.

Вы видите, что эти вещи понимаются ныне людьми таким образом, что делаются попытки объяснить их природу чисто внешне. Человек мыслит, человек получает восприятия внешних чувств, но он ничего не знает о том, что одновременно происходит параллельно в его организме; это полностью остается в бессознательном. Только посредством тех процессов, которые я описал в моей книге “Как достигнуть познания высших миров”, возможно постепенно достичь знания о чувственном восприятии и мышлении, которые вовсе не просто живут в том, что ныне называют (почти всегда чисто словесно) душевным миром человека. Когда душа проходит развитие, описанное в этой моей книге, она может с одной стороны отдаваться мышлению и восприятиям внешних чувств, а с другой стороны — одновременно постигать то, *что совершается в мозгу*; она тогда воспринимает там не процесс, подобный росту, но наоборот, процесс распада, который должен непрерывно изглаживаться остальным организмом.

Вы видите: это есть трагическое явление, сопровождающее истинное познание деятельности нашей головы. В голове нет расцвета органических процессов, которым мог бы радоваться ясновидящий, когда он мыслит, когда он воспринимает своими органами внешних чувств; наоборот, он должен познакомиться с процессом разрушения. Он должен также узнать тогда, что материалистически мыслящие люди предполагают наличие в голове таких процессов, каких там не может происходить, когда человек мыслит или воспринимает органами внешних чувств. Материализм вынужден предполагать как раз противоположное действительности.

Итак, в человеческой голове мы имеем дело с развитием образования, происходящего от животного царства, но с развитием, ставшим уже нисходящим, с процессом распада. Остальная часть человеческого организма проходит восходящее развитие, прогрессирующую эволюцию. И мы не должны думать, что она не имеет своей доли в душевно-духовном и его переживаниях в человеке. Не только наша кровь постоянно посылается вверх, в голову, остальным организмом, но также непрерывно поднимаются вместе с кровью в голову те душевно-духовные мыслеформы, на которых сотканы Вселенная, а также и наш организм. Эти душевно-духовные мыслеформы еще не воспринимаются человеческим существом в его нормальном состоянии, но придет время, когда человек начнет воспринимать то, что поднимается из его собственного существа как мыслеформы. Как вы знаете, мы спим не только с момента засыпания до пробуждения; частью нашего существа мы спим весь день. Мы бодрствуем только в отношении нашего мышления и восприятий внешних чувств, мы грезим, переживаем сновидения в отношении нашей жизни воли. О том, что мы волим, мы знаем ведь только соответствующие мысли, идеи, а

никак не сам процесс воления. Деятельность нашей воли столь же бессознательна, как и наша жизнь в глубоком сне с момента засыпания до момента пробуждения. Но если мы спросим: “Каким путем единственно может достичь человек познания действительно Божественного?” То мы не можем указать на путь через голову, через восприятия внешних чувств, через мышление, но только на путь, ведущий через наш остальной организм. Мы имеем здесь дело с великой и могущественной тайной. Развитие человеческой головы прошло через ряд стадий эволюции и затем в ней постепенно добавилось то, что составляет остальной организм человека; потом голова вступила уже в обратную регрессивную эволюцию. Таким образом, то, что человек способен ощутить как свое Божественное, — оно может гласить ему только через его остальной организм, а не через голову. Ибо, видите ли, очень важно вполне уяснить себе, *что через голову гласят человеку прежде всего Люциферические существа.*

Мы можем сказать, что остальной организм человека был создан в добавление к его голове ради того, чтобы ему могли гласить Боги. В начале Библии не стоит: Бог послал *луч света* человеку и он стал живою душою, но там мы читаем: Бог вдохнул *дыхание жизни* в человека и он стал *живою душою*. Здесь верно передано знание того, что Божественный импульс пришел к человеку через деятельность, не являющуюся деятельностью головы.

Из этого вам должно быть понятно, что Божественный импульс мог вначале придти к человеку только в виде бессознательного ясновидения или, по меньшей мере, через постижение того, что дается через бессознательное ясновидение. Если вы будете изучать Ветхий Завет, вы найдете, что он является плодом бессознательного ясновидения; это сознавали те, кто принимали участие в создании Ветхого Завета. Я не могу описывать вам сегодня, как был создан Ветхий Завет, но я хотел бы указать, как много можно привести наблюдений того, что Учителя древнего еврейского народа вполне сознавали тот факт, что их Бог гласил именно через непосредственное восприятие внешних чувств, не через посредство обычного мышления и вообще не через то, посредством чего служит голова, но их Бог гласил им через сновидения, — не через обычные сновидения, но через сновидения, пронизанные реальностью. Бог гласил им в момент такого ясновидения, как Он гласил Моисею из горящего тернового куста. И когда Посвященных этого древнего времени спрашивали о пути, каким приходит к ним Божественный призыв, то они отвечали: нам гласит Бог, Имя которого неизреченно, но он гласит нам через свой лик. И лик своего Бога называли *Михаилом* (в более точной транскрипции — *Михаэль*, что в дословном переводе с древнееврейского значит — *Лик Бога*), духовной силой, которая принадлежит к Иерархии Архангелов. Они ощущали своего Бога как недоступного познанию и сокрытого за Его явлениями также и для ясновидящего, но когда ясновидящий посредством внутреннего постижения своей души возносился к своему Богу, тогда Михаил гласил ему. Но сей Михаил гласил людям только тогда, когда они были способны перенестись в состояние сознания, отличное от обычного, — если они могли перенестись

в состояние некоторого ясновидения, при котором в их сознание вступает то, что иначе живет и творит в человеке в течение времени между засыпанием и пробуждением, или же действует посредством воли, которая остается подсознательной и находится, собственно, в состоянии сна даже во время дневного бодрствования человека.

Вот почему в древнееврейском тайноведении Откровение Яхве называлось Откровением в ночи; Откровение Яхве через Откровение Михаила ощущалось как ночное откровение. Таким образом, когда человек, с одной стороны, взирал на мир и воспринимал то, что он может получить посредством внешних чувств и посредством рассудочного человеческого мышления, то он говорил себе: познания, сведения, которые приходят к человеку этим путем, не содержат непосредственно Божественного. Однако, если человек развивает другое состояние сознания, тогда Лик Бога, Михаил, гласит ему и открывает особенные тайны, относящиеся к человеческому существу; его откровение зиждет своего рода мост между человеком и теми Силами, которые не могут быть восприняты в мир внешних чувств и которые не могут быть постигнуты рассудком, связанным с мозгом.

Таким образом, можно сказать следующее. Люди дохристианских времен жили так, что они могли ориентироваться, с одной стороны, на познание мира внешних чувств, которое вело их в их земных делах, а с другой стороны, обращаться к тому познанию, которым человек обладал бы в обычном состоянии сознания (но он не обладает этим), если бы это сознание оставалось бодрствующим также во время сна, между засыпанием и пробуждением. В то время, когда создавался Ветхий Завет, люди знали, что человек находится в своем бодрствовании в окружении духовных существ; но эти духовные существа являются Люциферическими существами. Те же существа, которые ощущались, как Божественные Создатели человечества, действовали в человеке с момента его засыпания и до пробуждения или в тех частях его существа, которые спят и в течение дневного бодрствования. В те времена, когда создавался Ветхий Завет, Яхве назывался Владыкой Ночи; Михаил — Лик Яхве — назывался служителем Владыки Ночи. И люди того времени имели в виду Михаила, когда упоминали о пророческих наитиях, через которые они получали познание большее, чем приходящие из мира внешних чувств.

Какое сознание сокрыто за всем этим? То сознание, которое происходит из той сферы бытия, где пребывает Яхве вместе с окружающими его силами, между тем как образование головы человека осенено Люциферическими существами. Тайна, что человек своей головой, которая расположена выше его остального организма, обращен к Люциферическим существам, была хранимой во всех древних храмах, и это было тайной, в которой человек близко подошел к истине. Неким образом знали: голова возвышается над человеческим организмом потому, что так поднял ее, извлек из него Люцифер. Сила, которая вывела человеческую голову из животного состояния и привела к настоящему, есть Люциферическая сила; и та сила, которую человек может ощущать как Божественную, должна притекать в его голову из остального организма при ночном его состоянии организма. Таково было положение

вещей в отношении человеческого познания в дохристианские времена.

Затем Мистерия Голгофы вступила в развитие Земли и мы знаем, что это означает соединение сверхземной сущности с земным человеческим развитием через тело Иисуса из Назарета. Через Смерть на Голгофе это Существо, которое мы называем Христом, соединило себя с земным человеческим существом. Что благодаря этому событию земное развитие, собственно, впервые получило свой истинный смысл. Земля не имела бы своего смысла, если бы человек должен был развиваться на этой земле со своими внешними чувствами и рассудком, связанными с головой, которая имеет прежде всего Люциферическое происхождение; если бы он воспринимал мир света, стремящийся вниз на землю от Солнца и небесных светил, он должен был бы держаться за состояние сна, чтобы воспринимать Божественное. В этих условиях Земля никогда не обрела бы своего смысла, так как бодрствующий человек не сознает своей связи с земным бытием. Благодаря тому, что Существо Христа жило в человеческом теле, которое прошло через смерть, в развитии Земли произошел своего рода рывок вперед. Все в земном развитии получило новый смысл. Прежде всего для человека образовалась возможность начать постепенно познавать сотворившие его Божественные силы и в дневное время, во время обычного бодрствования, то есть, в своем обычном состоянии сознания. Заблуждение отныне еще господствует только потому, что время, протекшее от Мистерии Голгофы, еще недостаточно, чтобы привести человека также в дневном бодрствовании к прозрению в тот мир, который пророки Ветхого Завета были способны узреть в те времена, когда они ощущали себя проникнутыми откровениями их Владыки Ночи, Яхве, и его Лица — Михаила. Потребовался переходный период. Но на исходе 19-го столетия (вся восточная мудрость указывает, хотя и с совершенно иной точки зрения, на важность этого исхода 19-го столетия) — с концом 19-го столетия наступило время, когда люди должны познать, что ныне внутри них есть скрытая способность лицезреть в дневном откровении то, что прежде сообщалось только в ночном откровении через Михаила.

Однако, этому должно предшествовать время великого заблуждения, как бы ночь познаний. Я часто говорил, что я не согласен с теми, кто постоянно утверждает, что наше время — это переходная эпоха. Я достаточно хорошо знаю, что всякое время является переходной эпохой, но я не хочу останавливаться на таком формальном, абстрактном определении, так как суть в том, чтобы можно было ясно указать, в чем состоит переходность того или иного времени. Переходность нашего времени заключается в том, что люди должны понять: то, что ранее получалось только в ночном познании, теперь может быть получено через дневное познание. Другими словами: Михаил был дающим откровение в ночи, а в наше время он должен стать дающим откровение в течение дня. Из Духа ночи Михаил должен стать Духом дня. Для него Мистерия Голгофы означает преображение из Духа Ночи в Духа Дня.

Но этому познанию, которое проложит свою дорогу среди людей гораздо скорее, чем мы сегодня думаем, должно предшествовать великое заблуждение, величайшее из мыслимых в эволюции человечества

заблуждение, несмотря на то, что многими современными людьми оно еще рассматривается как особенно важная и существенная истина.

Происхождение человеческой головы стало полностью сокрытым от человечества нового времени; Люциферическая духовность, связанная с человеческой головой, стала полностью сокрытой. Человеческое существо, как я говорил, стало рассматриваться как нечто единое также и в телесном отношении. Возник вопрос о его происхождении и был дан ответ, что человек происходит от животного; однако, на самом деле, только то, что в человеке является люциферическим, есть отпрыск животного. Та же часть человека, через которую его Божественные создатели гласили ему и прежде из его сонного состояния, впервые возникло как дополнение к человеческой голове в то время, когда животные начали бытие бок о бок с ней. Все в человеке смешали вместе и говорят, что человек, мол, произошел от животного. Это как бы “кара” познания, постигшая человечество (слово “кара” я тут употреблю в несколько ином, по сравнению с общепринятым, смысле). Откуда же, собственно, пришла эта тенденция, приведшая к измышлению о происхождении человека от животного? Ведь истина заключается в установленных нами фактах в отношении происхождения головы и всего остального человеческого организма. Кто внушил человеку измышление о том, что весь человек полностью происходит от животного?

Видите ли, в промежуток времени между Мистерией Голгофы и нашими днями, который был в некотором смысле временем подготовки к пониманию Мистерии Голгофы; и когда отступила древняя языческая мудрость, с помощью которой люди вначале пытались постичь христианство, и когда новое духовное познание еще не достигло полной зрелости, — в это самое время в человеческое развитие постепенно вкрался Ариманический элемент. И как человек не распознал Люциферический элемент в человеческой голове, так не смог он распознать в остальной части человеческого организма и Ариманический элемент, находящийся в борьбе с Божественным. И, таким образом, возникло чисто ариманическое измышление, что человек происходит от животного.

То, что человек происходит от животного, является ариманическим внушением; эта теория носит чисто ариманический характер. Помрачению мудрости, которая указывала на человеческую голову, как на люциферическое образование, мы обязаны заблуждению, что человек, мол, происходит от животного. Утратив верное понимание происхождения человеческой головы, люди оказались не в состоянии правильным образом охватить и другое. И так вкралось в человеческое воззрение мнение о родстве существа человека, как целого, с животным царством. Все мировоззрение нашей цивилизации нового времени в своей основе проникнуто ложной идеей, что человеческая голова является благороднейшей частью человека, и она противопоставляется остальной части его организма точно так же, как Добро в мире противопоставляется Злу, Небо — Аду; двойственность вместо тройственности. Истина же заключается в том, что человек тем, что он достигает в мире при помощи головы, обязан, прежде всего, космической мудрости, но мудрости

Люциферической, но эта Люциферическая мудрость должна постепенно проникнуться другими элементами.

После того, как развитие человечества прошло через стадии Сатурна, Солнца и Луны, и началось развитие Земли, то самая духовная сила, которую мы называем силой *Михаила*, направила Люциферическую сущность на образование человеческой головы. “И он низверг духов противления вниз, на Землю”, иначе говоря, путем этого низвержения Люциферических духов, противившихся Михаилу, человек был проникнут прежде всего своим разумом, — тем, что возникло из его головы.

Таким образом, — это Михаил послал своих противников к человеку с тем, чтобы, приняв этот противоборствующий Люциферический элемент, человек мог получить, прежде всего, свой разум. Затем Мистерия Голгофы вошла в развитие человечества. Сущность Христа прошла через смерть Иисуса из Назарета и связала Себя с развитием человечества.

Время приготовления прошло. Михаил сам, в сверхчувственных мирах, участвовал в последствиях Мистерии Голгофы. Начиная с последней трети 19-го столетия, Михаил занимает исключительное положение внутри развития человечества. Первым плодом правильного понимания этого положения человека по отношению к Михаилу является проникновение в такие тайны, как та, например, которая касается человеческой головы и остального человеческого организма, о чем идет речь сегодня.

Для человека очень важно уяснить, что пока он не познает истинного происхождения человеческой головы, он обязательно будет впадать в заблуждение относительно происхождения всего человеческого существа в целом. Ибо, не желая признать, что люциферическое формообразование имело место, прежде всего, в человеческой голове, люди впадают в то заблуждение, что все, относящееся к человеческой голове, имеет то же происхождение, что и остальное человеческое существо. Человечество должно проникнуть в эти тайны. Оно должно придти к возможностям смело и бодро устоять перед лицом того познания, что через овладение новыми божественными тайнами, оно может несколько улучшить в своей внутренней жизни все то, что получено просто через познание головой, посредством просто человеческой, земной мудрости или толковости. И прежде всего должна быть исправлена великая ошибка, — что должно предшествовать повороту (к истине) — ошибка, которая заключается в материалистическом истолковании эволюционной теории о происхождении всего человеческого существа от животного.

Это станет путем достижения опять возможности познания человека, как он стоит перед нами не только с одной стороны как просто духовно-душевное существо, только живущее в теле, а с другой стороны — не как бездушное тело; но тогда можно будет узреть то конкретно-духовное, которое работает, хотя и люциферическим способом, в человеческой голове, и то конкретно-духовное, которое работает во всем человеке в целом, но которому противоборствует Супостат, находящийся в ариманической натуре человеческой организации, за исключением головы.

Выражаясь имажинативно, мы можем указать на тот факт, что Люциферическое было внедрено в человека через импульс Михаила,

через то, чем теперь стал Михаил; Ариманическое, в свою очередь, должно быть отнято у человека. Для нынешней внешней науки истина о человеке представляется слагающейся из анатомических и физиологических данных, или того, что мы имеем как сумму внешних чувственных наблюдений над человеком. Мы должны стать способными так рассматривать человека, чтоб в каждой клеточке его видеть духовное, конкретно-духовное существо вместе с телесным. Мы должны будем осознать, что кровь, которая течет в живом человеческом существе, — не та самая кровь, не та самая кровь, каплю которой мы берем из него для исследования, но кровь, текущая в живом человеческом существе, особенным образом пронизана духом. Мы должны научиться познанию духа, пульсирующего в нашей крови. Мы должны научиться познанию духа, пульсирующего затем в нашей нервной системе тогда, когда она проходит через фазу умирания, и тому подобное. Мы должны быть в состоянии узреть духовный элемент во всех отдельных проявлениях жизни.

Михаил — это Дух Ночи. Вступая в развитие человечества, он должен внести в него то, что мы не станем больше признавать с одной стороны — абстрактную духовность, а с другой стороны — материальность, которую мы выстукиваем, которую мы анатомируем и о которой мы не имеем ни малейшего предчувствия, что это только внешне проявляющаяся форма духовного; Михаил должен пронизать нас крепкой силой, которая позволит нам прозревать материальное, видеть в материальном повсюду одновременно и духовное. На древнюю стадию человеческого сознания было указано в следующих словах: В древнее время Слово жило духовным образом; но Слово стало плотью и обитало среди нас. Таково выражение Евангелиста. Слово соединилось с плотью и откровение Михаила предшествовало тому событию. Все это — суть процессы, происходящие в человеческом сознании, о котором здесь шла речь. Должен начаться обратный процесс, который состоит в том, что к слову Евангелиста добавляется еще другое. Мы должны приобрести в нашем сознании такую силу, чтобы узреть, как человек воспринимает то, что из духовных миров через импульсы Христа соединилось с землей и что должно соединиться с человечеством, чтоб человечество не погибло вместе с Землей. Надо достичь того, чтобы человек, воспринимая духовное не только в свою голову, но во все свое существо, чтобы он весь пронизывал себя духовным. Только импульс Христа может помочь нам в этом, а также импульс Христа в его интерпретации импульсом Михаила. Тогда к приведенным словам Евангелиста можно будет добавить: “И должно прийти время, когда плоть снова станет Словом и научится обитать в царстве Слова”.

Это не изобретено, не прибавлено каким-либо позднейшим переписчиком, что в заключение Евангелия сказано, что многое тут опущено; это относится, прежде всего, к тому, что только постепенно может быть открыто человечеству. Те, кто полагают, что Евангелия должны оставаться такими, какие они есть и их не должно касаться, — плохо понимают их. Они должны толковаться в соответствии со словами Христа Иисуса (я всегда говорил вам о них): — “Я есмь с вами во все дни, вплоть до конца земных времен”. Это значит: “Я открыл себя вам не

только в те дни, когда были написаны Евангелия: Я буду говорить вам всегда через Моего Духа дня, Михаила, если вы ищите путь ко Мне. Вы сможете, благодаря продолжающемуся Христову откровению, добавлять к Евангелию то, что могло стать известно не в Евангелии первого тысячелетия, но, пожалуй, только в Евангелии второго тысячелетия, и к чему еще все новое и новое можно будет добавить в последующие тысячелетия”. То, что написано в Евангелии, истинно: “В начале было Слово, и Слово стало плотью и обитало среди нас”. Однако, мы можем и должны добавлять еще столь же истинное откровение: “И плоть человека должна снова стать пронизанной духом, чтобы она стала способной обитать в царстве Слова и лицезреть Божественные тайны. Становление Слова плотью есть первое откровение Михаила; становление плоти духом должно быть вторым откровением Михаила.

Лекция 3

Дорнах, 23 ноября 1919 г.

Позавчера я сказал вам о том, что мы, как члены человечества, живем прежде всего в той сфере, которую мы можем обозначить как нашу четвертую сферу эволюции. Мы знаем, что развитие земли происходило постепенно, начавшись с развития Сатурна; затем последовало развитие Солнца, потом — развитие Луны и, наконец, настало развитие Земли. Если мы будем держать в уме эти четыре последовательные ступени планетарного развития Земли, к которому, разумеется, принадлежит и человечество, как таковое, то мы должны рассматривать человека лишь постольку, поскольку человек есть головное существо. Говоря так, мы должны уяснить себе, что выражение “голова человека” является символическим обозначением всего того, что принадлежит к восприятиям человеческих внешних чувств, что принадлежит к человеческой разумности и что, в свою очередь, вливается в социальную жизнь через человеческие восприятия внешних чувств и разумности. И также все то, что человек проделывает в своем развитии, как существо, обладающее восприятиями внешних чувств, как мыслящее существо, должно быть охвачено этим символическим обозначением. Поэтому, когда я говорю о человеке, как о “головном существе”, то я говорю образно и подразумеваю все то, что я только что упомянул.

Мы с легким сердцем говорим о том, что мы, как физические человеческие существа, находимся в окружающей нас атмосфере. Мы должны усвоить, что эта атмосфера принадлежит к нам самим. Разве это неверно, что воздух, который находится сейчас в нас, совсем недавно был вне нас? Мы вовсе не мыслимы как человеческие существа вне этой атмосферы. Но мы ныне привыкли верить, что так было и прежде, и что о таких вещах, как воздух и тому подобное, можно говорить только на

современный лад. Это, однако, вовсе не так. Сегодня покажется довольно странным, если мы, гуляя на воздухе, скажем, что мы странствуем в той сфере, которая содержит определенные условия для нашего существования, как существ, обладающих восприятиями внешних чувств, как мыслящих существ, короче говоря, обладающих всем, что может быть в вышеупомянутом смысле символически обозначено выражением, что как мы суть головные существа. Но я уже говорил вам, что это — только одна из сфер, в которых мы существуем, ибо мы одновременно находимся в различных сферах. Продолжим теперь рассмотрение сферы, имеющей практическое значение для человечества и обратим ваше внимание на то, что в четвертой сфере мы теперь живем после прохождения нашей землей трех предшествовавших стадий ее развития. Обозначим этим кругом (Р. Штайнер рисует на доске) сферу, в которой живем мы, находясь в нашей четвертой сфере эволюции. Но кроме этого мы живем еще в другой сфере эволюции, вследствие того, что эта сфера эволюции принадлежит тем духовным Существом, которые являются нашими создателями, подобно тому, как четвертая сфера принадлежит нам. Если мы на момент отвлечемся от людей и взглянем на тех Сущест, которых мы в порядке Иерархии, стоящих над нами, всегда называли Духами Формы, Существом, творящими все формы, то мы должны будем сказать следующее. Мы, как человеческие существа, достигнем той сферы, к которой мы относим Существа Божественных Создателей наших тогда, когда Земля пройдет следующие три планетарные стадии развития, которые вы найдете обозначенными в моем “Тайноведении”, как стадии Юпитера, стадия Венеры, стадия Вулкана, и достигнем потом восьмой стадии. Таким образом, эти Творящие Духи находятся на той стадии развития, которой мы, человеческие существа, достигнем после развития Вулкана. Это — их сфера, которая принадлежит им так же, как четвертая сфера принадлежит нам. Но мы должны мыслить эти сферы как бы внедренными одна в другую, как бы проникающими одна в другую. Поэтому, если я обозначаю сферу, то мы живем не только в четвертой, но также и в восьмой сфере, благодаря тому, что наши Божественные Создатели живут в этой сфере вместе с нами.

Если мы будем иметь в виду эту восьмую сферу, то мы найдем живущими там не только Духов Божественных Создателей наших, но также и Ариманических существ. Поэтому, живя в окружении восьмой сферы, мы живем вместе с духами, которых мы ощущаем нашими Божественными Властями, но мы живем также вместе с Ариманическими существами. В четвертой сфере с нами вместе живут, выражаясь точнее, Люциферические Духи. Таково положение, можно сказать, касательно распределения этих духовных существ, мы можем входить в рассмотрение этих духовных существ, только если мы знаем, в какой связи мы сами находимся с соответствующими окружениями этих сфер.

Видите ли, тут прозрение науки Посвящения открывается прежде всего то, что мы являемся существами, обладающими восприятиями и умом, благодаря тому, что живем в четвертой сфере нашей эволюции. Но мы никогда не должны забывать, что Люциферическая сила оказывает свое влияние на наш ум, (причем, мы всегда должны включать в состав этого

ума также восприятия внешних чувств). Эти Люциферические силы, собственно, внутренне связаны с тем особенным видом ума, который ныне человек еще считает своим собственным умом и больше всего любит возиться с ним как со своей способностью мыслить. И все же человек наделен этим умом только благодаря тому, что то высшее существо, о котором я говорил как о существе Михаила, низвергло Люциферические существа вниз, в сферу человека, в четвертую сферу человека. Через это, собственно, и вступил импульс разумности.

Вы можете почувствовать, что значит этот импульс разумности для человечества, если обратите внимание на безличный элемент нынешнего человеческого ума. Не правда ли, мы, люди, имеем много личных интересов. Мы сталкиваемся в этих личных интересах друг с другом, и мы обособляемся в отношении как раз наших личных интересов. Но эта индивидуализация прекращается перед лицом разумности. В том, что касается разумности, что касается логики, все люди одинаково равны и считаются с этим. Мы не имели бы этого, равно общего достояния, если бы Люциферическое влияние, привнесенное благодаря Михаилу, не оказало своего действия в человечестве.

Мы понимаем друг друга так просто только благодаря тому, что мы имеем общую разумность, проистекающую из Люциферической духовности. И вот эта Люциферическая духовность возникла потому, что Михаил, так сказать, пронизал, повлиял на людей Люциферической сущностью. Эти Люциферические влияния действовали и видоизменялись дальше в течение человеческой исторической эволюции. Наряду с ними еще многое развилось в человеческом существе. Но еще и ныне эта Люциферическая духовность, которую мы называем нашей разумностью, продолжает рассматриваться многими людьми, как самая замечательная способность человека.

Для того, чтобы достичь большей ясности в этом вопросе, вам надо направить взор своей души на нечто Другое, что может объединить вместе людей всей Земли, когда оно распространится по всей Земле.

Это — *импульс Христа*. Но импульс Христа — это нечто иное, чем импульс разумности. Импульс разумности имеет в себе нечто принудительное. Вы не можете сделать разумность человечества своим личным делом. Вы не можете внезапно решиться вынести суждение с личной точки зрения о чем-либо, что подлежит разумному суждению без того, чтобы не выпасть из социальной жизни, как умалишенный. С другой же стороны, вы не можете достичь никакого другого отношения к импульсам Христа, кроме личного. По пути никто не может вмешаться в то отношение с Христом, в какое ставит себя другой человек. В конечном счете это есть исключительно личное дело. Но благодаря тому, что Христос прошел через Мистерию Голгофы и связал Себя с развитием Земли, положение вещей стало таким, что несмотря на то, что хотя много людей, независимо один от другого, сделали импульс Христа своим личным делом, — импульс Христа сам по себе стал одинаковым для каждого. Это означает, что люди объединяются вместе чем-то таким, что каждый из них сам делает это своим, а не принудительно, как в случае разумности; иначе говоря, благодаря тому, что именно через самый

импульс Христа отношение каждого человека к Христу образуется так, — если оно образуется правильным образом, — что оно становится одинаковым у каждого человека. Такова разница между импульсом разумности и импульсом Христа. Импульс Христа может быть одинаков для всего человечества и, однако, вместе с тем быть личным делом для каждого отдельного человека. Разумность же — это не личное дело.

Каково же было положение вещей, в которое вступил импульс Христа? Мы можем ответить на этот вопрос, исходя из того, что я уже упоминал. Мы знаем, что эволюция головы стала уже обратной, регрессивной. В отношении своей головы человек до некоторой степени находится в процессе непрерывного умирания. Таким образом, мы можем указать на следующий космический факт: Михаил низверг Люциферическую рать в мир человечества; Люциферические духи получили как место своего обитания человеческую голову, но — человеческую голову с характером отмирания.

Тут эти Люциферические существа стали вести непрерывную борьбу против отмирания человеческой головы. И здесь мы касаемся давно известной тайны человеческой природы — тайны, которая была известна в различных формах, но которая почти полностью сокрыта для современного человека. Человек, развиваясь по пути его Божественной эволюции, вносит в свою голову непрерывный процесс умирания. Но параллельно этому непрерывному процессу умирания происходит возжигание в ней жизни со стороны Люцифера. Непрестанно стремится Люцифер сделать нашу голову такой же живой, как и весь остальной организм. Если рассматривать это в плане организма, то Люциферу удалось бы увести человечество с его божественного пути, если бы он смог физически сделать человеческую голову такой же живой, как и весь остальной организм человека.

Как раз против этого должно обратиться божественное направление человеческой эволюции. Ибо человек должен оставаться связанным с эволюцией Земли, чтобы он в ходе ее дальнейшего развития смог затем пройти через эволюцию Юпитера, Венеры и Вулкана. Если бы Люцифер достиг своей цели, то человек не смог бы пройти предначертанный ему путь развития, но он был бы захвачен и стал бы частицей такого космоса, который был бы весь и насквозь сама разумность.

Говоря физиологически, это и есть постоянное стремление Люцифера извлекать жизненные силы из нашего остального организма и посылать их в нашу голову. Говоря же психологически, Люцифер постоянно стремится придать содержанию нашего разумения, которое, ведь, заключает в себе только мысли и образы, субстанциональный характер. То, что я изложил с физической точки зрения, я теперь излагаю с точки зрения души, когда говорю, что Люцифер имеет постоянную тенденцию придавать реальное субстанциональное содержание тому, что мы создаем как образ в нашем духе, например, хотя бы художественный образ; таким образом он имеет тенденцию пропитать наше мыслительное содержание обыкновенной земной реальностью. Тем самым он стремится достичь того, чтобы мы, как люди, покинули другую реальность и унеслись в некую мыслительную действительность, которая стала бы реальностью, а не

оставалась бы просто мыслями. Эта люциферическая тенденция все время связана с нашим человеческим существом, и с ее стороны прилагаются величайшие, какие только можно вообразить, усилия, чтобы превратить наши человеческие фантазии в реальность.

И вот, все то, что существует в человечестве как внутренние причины болезней, связано с этой Люциферической тенденцией. Узреть работу Люцифера в отношении выжимания жизненных сил в человеческую голову — с ее мертвееющими силами — означает, поистине, быть в состоянии, установить диагноз всем, собственно, внутренним болезням. Развитие естествознания и медицины должно идти в этом направлении, чтобы построить свое знание, исходя из изучения этого Люциферического элемента. Дать этот поворот науки принадлежит к тем тенденциям, которые вносит в нашу человеческую эволюцию влияние Михаила.

Ариманическое влияние тут противоположно. Оно оказывает свое воздействие из восьмой сферы, откуда создан весь наш организм, за исключением головы; этот организм полон жизненности, по самой своей организации он сотворен для жизненности. И вот сюда вторгаются Ариманические силы. Они, наоборот, помогают внести в эти жизненные силы остального организма человека силы смерти, которые, собственно, согласно Божественному пути развития принадлежат голове. Так окольным путем приходят к нам силы смерти из восьмой сферы при посредничестве Аримана. Это сказано, опять-таки, с физической точки зрения.

С точки же зрения души, я должен сказать следующее. Все то, что действует на нас из восьмой сферы, оказывает свое влияние на человеческую волю, но не на разумность. Но в основе человеческого воления лежит желание; в волении всегда содержится нечто от желания. Ариман непрестанно стремится внедрить личный человеческий элемент в эту природу желания, лежащего в основе воления. И вследствие того, что в природу желания скрыто внесен личный человеческий элемент, наша душевная волевая деятельность есть отпечаток нашего приближения к смерти. Вместо того, чтобы позволить проникнуть в себя Божественными идеалами и дать им войти в наши желания и, таким образом, в нашу волю, — нечто личное вносится в наше желание, в наше воление.

Таким образом, мы действительно находимся в положении равновесия между Люциферическим и Ариманическим элементами.

Люциферическо-Ариманическое приносит нам болезни и смерть в физическом мире; в области души оно развивает в нас все то, что выступает как иллюзия, так что мы начинаем рассматривать как действительность то или иное, принадлежащее просто к миру мыслей, к миру представлений, к миру фантазии. В отношении же духовном вожделения эгоизма проникают на этом пути дальше в наше человеческое существо.

И вот, мы видим эту двойственность Люцифера-Аримана, связанную с человеческой природой, и я показал вам на примере “Потерянного Рая” Мильтона, “Мессиады” Клапштока и “Фауста” Гете, как современное цивилизованное человечество обманывает себя, может обманывать себя в отношении этой двойственности. Теперь мы должны вспомнить о том, что

человечество перешло на среднюю точку развития Земли. Эволюция человечества была в начале восходящей; затем она достигла вершины и с тех пор стала нисходящей. По некоторым причинам, которые мы сегодня не имеем нужды обсуждать, в Греко-римскую эпоху, имело место своего рода состояние равновесия. Однако, с этого времени земное развитие человечества находится на действительно нисходящем пути.

Физическое развитие Земли является нисходящим уже с гораздо более раннего времени, со времени, которое предшествовало нашему последнему *ледниковому периоду*; то есть, уже до Атлантической катастрофы началось нисходящее развитие Земли, в физическом отношении. Этот факт антропософам нет нужды самим объявлять людям; он уже известен геологам, и (как я часто упоминал об этом) когда мы ныне передвигаемся по различным областям Земли, то мы передвигаемся по земной коре, находящейся уже в стадии упадка. Вам нужно только прочесть описание эволюции Земли, в лучших современных книгах по геологии вы найдете там, что физическая наука пришла к выводу, что Земля находится в нисходящей стадии своей эволюции. Но мы, люди, также находимся на нисходящей стадии эволюции. Мы не можем рассчитывать на то, что в нашем телесном развитии возникает какая-либо восходящая тенденция развития. Нам надлежит обрести восхождение вместо нисхождения, научившись взирать на то, что ведет человеческое существо за пределы эволюции Земли — к ее последующим планетарным образованиям. Мы должны научиться взирать на человеческое существо будущего. Это означает мыслить в духе Михаила.

Я охарактеризую более точно, что это значит — *мыслить в духе Михаила*. Видите ли, если вы стоите лицом к лицу с вашим ближним, то вы встречаетесь с ним, собственно, с полностью материалистическим сознанием. Вы говорите себе, даже если не произносите этого ни вслух, ни в мыслях, но вы все же говорите себе в самых интимных глубинах вашего сознания: это — человек из плоти и крови; это — человек, состоящий из земных веществ. Вы говорите то же самое в случае животного, то же самое и в случае растения. Но то, что вы так говорите себе, стоя лицом к лицу с человеком, животным и растением, вы справедливо говорите только в отношении их минеральной природы. Возьмем сразу крайний случай — человека. Рассмотрим человека прежде всего в отношении его внешнего облика, его внешней формы. То, что он есть как внешняя форма, вы не видите на самом деле, вы не видите ее вовсе с вашей физической способностью восприятия, так как она более чем на 90% наполнена жидкостью, водой. То, что наполняет форму, как минеральная субстанция, — вот что вы видите вашими физическими глазами. То, что человек соединяет с собой из внешнего минерального мира, — вот что вы видите; самого же человека, который совершает это присоединение, вы не видите. Вы говорите правильно только в том случае, если вы говорите себе: “То, что стоит здесь, лицом к лицу со мной — это только частички материи, которые человеческая духовная форма собрала в себе; как раз это делает невидимое существо, стоящее передо мной — видимым”. Человек — невидимка; поистине он невидим. Вы все, что сидите здесь, невидимы для физических внешних чувств. Некоторое количество обликов сидит здесь;

посредством некоей внутренней силы притяжения они собрали частички материи. Вот эти частички материи мы и видим; мы видим только минеральное. Истинные человеческие существа, сидящие здесь, невидимы; они — сверхчувственны. Говорить это себе с полным сознанием, в каждый момент бодрствования и составляет образ мышления Михаила; надо перестать себе представлять человеческие существа, как конгломерат минеральных частиц, которые оно просто располагает особым образом, что имеет место также в отношении животных и растений; исключите из них только минералы. Надо осознать, что мы странствуем среди невидимых человеческих существ... Это означает мыслить в духе Михаила.

Мы говорим об Ариманических и Люциферических существах, мы говорим о существах Иерархий Ангелов, Архангелов, Архаев и т.д. Все это — невидимые существа. Мы узнаем их по их деяниям. Мы обсуждали многие из этих деяний также и в последние дни. Мы научились распознавать этих существ по их делам. Обстоит ли дело иначе с людьми? Мы научаемся узнавать людей (которые — невидимы) здесь, в физическом мире, благодаря тому, что они распределяют свои минеральные частицы в человекоподобной форме. Но это только один вид деятельности человеческого существа. Тот факт, что мы уясняем себе действия Аримана и Люцифера, Ангелов, Архангелов, Архаев и т.д. иным путем, означает просто, что мы должны изучать их иным способом. Но в отношении того, что они — сверхчувственные существа — нет разницы между ними и нами, если мы разумно мыслим о существе человека.

Постичь, что мы не отличаемся в своем существе от сверхчувственных существ, — значит мыслить в духе Михаила. Человечество могло обходиться без сознания этого до тех пор, пока оно еще получало что-то от минерального царства. Но с тех пор, как минеральный мир находится в состоянии нисходящего развития, людям надлежит постепенно дорасти до духовного постижения как самих себя, так и мира. С семидесятых годов 19-го столетия человек способен во все возрастающей степени находить внутреннюю силу для развития сознания, что он не является просто достаточно организованным конгломератом частиц вещества, но что он — сверхчувственное существо, и эти частички материи суть только жест внешнего минерального мира, обозначающий: здесь находится человеческое существо. Только благодаря Ариманическим влияниям, которые я охарактеризовал в одной из предыдущих лекций (15 ноября 1919 г. в Дорнахе), человек отталкивал это внутреннее сознание, старался избежать его. Одна вещь связана с другой в человеческой жизни. И так же, как мы блуждаем, находясь в заблуждении, что человек чувственное, а не сверхчувственное существо, так же заблуждаемся мы и еще во многом. Мы говорим об эволюции и думаем при этом, что одна вещь проистекает из другой в непрерывном прогрессивном развитии. Вы знаете, что такое развитие невозможно было художественно передать в нашем здании, в Гетеануме. Когда я развивал формы капителей, я должен был показать в первой, второй и третьей капителях восходящую эволюцию, в четвертой — стоящую посередине, в пятой — начинающуюся нисходящую эволюцию, в шестой — более простую ступень ее и в

седьмой — самую простую. Я должен был добавить к восходящей эволюции и нисходящую эволюцию.

Наша голова находится в этой нисходящей эволюции, в то время как остальной наш организм еще находится в восходящей эволюции. Если мы верим, что эволюция означает непрерывный подъем, — мы отделяемся от истинной реальности. Мы придерживаемся тогда взгляда Геккеля, который под влиянием неизвестного заблуждения утверждал, что вначале были простые существа, а затем, по мере прогресса эволюции, образуются все более и более сложные существа, все более совершенные и так далее, до бесконечности. Это — нелепость. *Каждая прогрессивная эволюция затем поворачивает и переходит в регрессивную.* За каждым подъемом следует спуск; каждое восхождение уже несет в себе зародыш нисхождения. Это одно из самых коварных и опасных заблуждений современного человечества, что оно не подозревает о связи между прогрессивной эволюцией и регрессивной, между поступательным развитием и обратным упадком. Ибо, там, где имеет место восходящее развитие, должно с неизбежностью получаться предрасположение к последующему нисходящему развитию. С того момента, когда прогрессивная эволюция обращается в регрессивную, физическое вступает в духовное развитие. Ибо, как только физическое начинает развиваться в обратном регрессивном направлении, появляется возможность для духовного развития. В нашей голове есть возможность — арена — для духовного развития потому, что тут физическое развитие находится на регрессивном пути.

И лишь тогда, когда мы в состоянии узреть эти вещи в их истинном свете, то есть, когда мы увидим связь между нашим умом и люциферическим развитием, можем мы по-настоящему постичь существо человека, а вместе с тем и остальной мир. Ибо, тогда мы оценим эти вещи правильно и поймем, что наш ум нуждается в новом импульсе, если он должен фактически вести человека к его цели. Начало Христа должно воспрепятствовать Люциферу в его стремлении отвлечь человеческое существо от предопределенного ему Божественного направления пути развития.

Я сказал уже о том, что одно связано с другим. Видите ли, люди ныне находятся под влиянием того заблуждения, которое приписывает Божественным Властям некоторые Люциферические качества. Это заблуждение склоняет людей, например, видеть односторонне идеал в изображении красоты. Конечно, возможно, давать образ красоты, как таковой. Но мы должны сознавать, что *когда мы, как люди, просто покоряемся красоте, мы культивируем в себе те силы, которые ведут нас в Люциферический фарватер.* Точно так же, как в реальном мире не существует односторонней прогрессивной эволюции, но с ней неразрывно связана последующая регрессивная эволюция. Так же не существует односторонней голый красоты. Голое прекрасное пускает в ход Люцифер с целью пленить и ослепить людей, вырвать их из процесса земной эволюции, оторвать их от Земли. Как существует взаимосвязь восходящей эволюции и нисходящей, точно так же в действительности мы имеем дело с взаимосвязью между красотой и безобразием — даже с их жестокой

борьбой между собой. Если мы хотим действительно постичь искусство, мы никогда не должны забывать, что первым и последним в искусстве должна быть взаимосвязь прекрасного и безобразного, показ битвы между красотой и безобразием. Ибо, только благодаря тому, что мы взираем на красоту и безобразию, удерживая при этом состояние равновесия, находимся мы в пределах настоящей реальности, а не односторонне в такой реальности, в которой нам не надлежит быть как в становящейся люциферической или же ариманической. Совершенно необходимо, чтобы идеи, подобные той, что я выдвинул, вошли в человеческую культурную эволюцию. Вы знаете, с каким энтузиазмом я часто говорил тут о Греческой культуре; в древней Греции было еще возможно посвящать себя одностороннему культивированию красоты, так как человечество в то время еще не было охвачено нисходящей эволюцией Земли, по крайней мере, в самой Греции. Однако, по прошествии той эпохи человек не должен был больше утешаться культивированием голой красоты. Это было бы бегством от реальности. Он должен был смело и бодро стать лицом к лицу с реальной битвой между красотой и безобразием. Он должен быть в состоянии ощутить, испытать и сопережить диссонансы в их битвах с гармониями Вселенной.

Благодаря этому в развитие человечества вступают сила и крепость и из них возникает возможность достижения того внутреннего строя сознания, который действительно поднимет нас над заблуждением, что человек, мол, в своем истинном существе состоит из нагромождения материи, из минеральных частиц материи, которые он — на самом деле — только притянул и собрал в себя. Даже с физической точки зрения ныне может быть сказано, что человек поистине не несет в своем существе печать минеральной природы, внешней физической природы. Внешне минерал — тяжел. Но то, что, например, дает нам возможность развития душевной жизни (я говорю сейчас не об умственной жизни) — это связано не с тяжестью, но с ее противоположностью, с тем, что называется потерей веса в жидкости. Я по другому поводу описывал вам, как наш мозг плавает в мозговой жидкости. Если бы этого не было, то имеющиеся в мозгу кровеносные сосуды были бы раздавлены. Вы знаете из ваших школьных уроков физики, что однажды Архимед, сидя в ванне, заметил, что он делается легче и был этим открытием так обрадован, что издал свое знаменитое восклицание “Эврика!” (То есть, “я нашел!”. В русской традиционной передаче — “Эврика!” Прим. пер.). Душевно мы живем не как существа, которые тянутся вниз, но как существа, которые влекутся вверх. Мы живем душевно не потому, что наш мозг тяжел, но потому, что наш мозг становится легче, плавая в мозговой жидкости. Мы живем душевно благодаря тому, что удаляет нас от земли. Это можно утверждать сегодня даже с физической точки зрения.

Однако, то, на что я хотел указать вам в этих трех лекциях, заключается, прежде всего, в следующем. Встречаясь лицом к лицу с современной жизнью, мы нуждаемся в таком строе души, при котором человек действительно в каждый момент своей дневной бодрствующей жизни сознает сверхчувственное в своем непосредственном окружении и не поддается заблуждению, что человеческое существо реально, мол,

потому, что может быть видимо, а духи — нереальны потому, что они не могут быть увидены глазами. Ибо, истина состоит как раз в том, что мы, собственно, не можем также видеть и людей. Это есть заблуждение, когда думают, что мы видим их своими глазами. Мы тут ни в чем не отличаемся от Существ Высших Иерархий. Научиться постигать сходство между Существами Высших Иерархий и нами, а также и животными и растениями, — вот задача, вставшая перед современным человеком.

Мы говорим, что благодаря Мистерии Голгофы Импульс Христа вошел в развитие Земли, вошел, прежде всего, в развитие человечества; и соединился с Землею, но люди говорят: “Мы не видим этого”. Да, они не могут узреть этого, пока они обманываются относительно самого человека, пока они видят в человеке нечто такое, что совсем отличается от того, что он есть в действительности. С момента, когда это перестает быть теорией, а становится для души живо ощущаемой реальностью, делая нас способными узреть в человеке сверхчувственное существо — с этого момента мы начинаем возвращать внутри себя способность восприятия импульса Христа повсюду среди нас и оказываемся в состоянии с полной убежденностью сказать: не ищите Его во внешних проявлениях; Он повсюду среди нас. Но людям надлежит развить в себе также скромность и смирение такого сознания, которое сразу везде видит человека как сверхчувственное существо, действительно что-то значит. Впрочем, если это говорится только теоретически, то этим еще ничего не сделано. Если же мы действительно не верим, что встретившаяся нам человеческая фигура — это есть реальное человеческое существо, если мы ощутим это мнение, как абсурд, — вот тогда значит, мы приобрели тот строй души, который я, собственно, подразумеваю.

Видите ли, если бы вы прошли на строительную площадку и собирали там различные строительные отходы, а затем, искусно расположив их, стали нести так, что встретившийся вам человек не сможет вас увидеть, а будет видеть только кирпичный щебень и щепки, — вы же не будете тогда утверждать, что этот кирпичный щебень и щепки, которым придана известная форма, и есть человек.

Но ведь от этого нисколько не отличается положение в отношении минеральных веществ, распределенных некоторым образом, — с каким вы и предстаете перед своими близкими. Однако, вы говорите: эти минеральные субстанции — раз мой физический глаз видит их — и есть, мол, человек! В действительности же они только своего рода жесты, указывающие на истинного человека.

Если мы посмотрим назад, в дохристианские времена, мы найдем, что посланец от Бога приходил на землю зримым, открываясь человеку и делая себя понятным ему. Самый великий Посланец Бога, который пришел на землю — Христос — был в то же время и Тем, Кто был способен явить Себя в величайшем для Земли событии, — как последний из тех, кто мог явить себя без содействия людей. Теперь же мы живем во время *откровения Михаила*. Оно — налицо, как и другие откровения. Но оно не наступает на человека, не теснится в него, ибо человек вступил в свое развитие *свободы*. Мы должны сами пойти навстречу Откровению Михаила, мы должны подготовить себя так, чтобы он ниспослал в нас

могущественные силы, и мы смогли бы осознать сверхчувственное в непосредственном окружении Земли. Не отказывайтесь же от познания того, что означает это откровение Михаила для людей настоящего и будущего, если человек сможет приблизиться к нему путем свободы. Не отказывайтесь от познания того, что люди ныне стремятся к разрешению социального вопроса, исходя из остатков древних состояний сознания. Все то, что можно было решить, исходя из древних состояний сознания человечества, — это было уже решено. Земля находится на нисходящей ветви своего развития. Требования, которые встают ныне, не могут быть удовлетворены при помощи соображений, проистекающих из прошлого. Они могут быть разрешены только человечеством, которое обрело новый строй души. Нашей задачей является следующее: так действовать, чтобы этот новый строй души распространялся среди людей. То, что люди никак не могут освободиться от представлений, которые взращивались тысячелетиями, гнетет нашу душу, как ужасный кошмар, когда мы это видим. Мы ныне видим, как плоды этих представлений тысячелетней давности, лишённые уже всякого содержания и являющиеся просто словесной шелухой, проскальзывают в людей почти автоматически. Везде говорится о человеческих идеалах. Но эти идеалы не имеют ничего реального; это просто громкие слова, а человечество нуждается в новом душевном строе. Некогда к человечеству прозвучал призыв, который в переводе на наш язык гласил: “Преобразите вашу способность восприятия и постижения, так как это время близко!” Но тогда люди еще не могли преобразить свою способность восприятия и постижения, исходя из старого строя души. Ныне же эта возможность исчезла; и если ныне должно быть осуществлено то, что было возглашено тогда, то это может исполниться только исходя из нового строя души.

Прежде Михаил принес людям традицию Яхве, влияние Яхве. С конца семидесятых годов прошлого столетия он занят — если мы только идем ему навстречу — передачей нам постижения Импульса Христа в истинном смысле этого слова. Но мы должны идти ему навстречу. И мы идем ему навстречу, если выполняем два условия.

В отношении нашего собственного душевного строя мы можем сказать себе: должны избавиться от известного заблуждения. Я не хотел бы без нужды отягчать вас узкими абстракциями и философскими мировоззрениями, но я должен все-таки привлечь ваше внимание к такому симптому развития человечества в новое время, как философ *Картезий (Декарт)*, который жил на заре нового времени. Он еще сознавал кое-что о том духовном, которое проявляется через отмирающую при этом нервную систему человека. Но в то же время он высказал такое положение: “Я мыслю, следовательно, я есть”, то есть существую. Это — полная противоположность истине. Когда мы мыслим, — нас нет; ибо в мысли мы имеем лишь образ реальности. Мы ничего не имели бы от мышления, если бы мы находились с нашим мышлением внутри самой реальности, если бы мышление не было только ее отражением. Мы должны осознать отражательный характер нашего мира представлений, отражательный характер нашего мира мыслей. С того момента, как мы будем это сознавать, мы обратимся к иному источнику реальности в нас.

Об этом и хочет говорить нам Михаил. Это означает, что мы должны стараться познать мир наших мыслей в его зеркально-отражательном характере; тогда мы будем работать против Люциферического направления развития. Ибо Люцифер, прежде всего, заинтересован в том, чтобы влить субстанцию в наше мышление, чтобы обморочить нас обманчивой видимостью того, что, якобы, в наших мыслях имеется субстанция. Но мышление не содержит в себе субстанции, а только — образы. Мы должны извлечь субстанцию из других, более глубоких слоев нашего сознания. Это — *первое условие*. Мы нуждаемся в том, чтобы осознавать, что наши мысли делают нас слабыми, и тогда мы воззовем к мощи Михаила, ибо он — тот Дух, который указывает на то в нас, что в нас сильнее мысли. Цивилизация же нового времени научила нас обращаться по преимуществу к мышлению и, делая это, мы стали слабыми человеческими существами, потому что мы стали считать сами мысли за нечто реальное. Мы можем мнить о себе, что мы отвращаемся от голого, абстрактного умствования, но это всего лишь иллюзия; ибо, как нынешние люди, мы находимся в ужасном порабощении у мышления и не посылаем из более глубоких слоев нашего существа в самые мысли то, что должно быть в них.

Второе условие, которое мы вводим в наши желания, а следовательно, и в нашу волю, это то, что проистекает исключительно из той реальности, которую мы должны и можем познать как сверхчувственную. Тот факт, что сверхчувственный характер Мистерии Голгофы не был воспринят со всей серьезностью, жестоко отомстил за себя. Я часто упоминал об этом. Я, например, привлекал ваше внимание к взглядам либерального теолога *Адольфа Гарнака*.

Есть много подобных ему либеральных теологов, которые открыто исповедуют: в исторических документах не найти никаких доказательств реальности Мистерии Голгофы. И на самом деле, невозможно исторически доказать существование Христа Иисуса тем же путем, как возможно доказать существование Цезаря или Наполеона. Почему? Потому что в Мистерии Голгофы перед человечеством предстает событие, к которому может быть только сверхчувственный доступ. К нему не может быть никакого доступа через внешние чувства. Ради того, чтобы человечество научилось именно через Мистерию Голгофы подниматься к сверхчувственному, и не должно было существовать никакого внешнего, чувственного исторического ее доказательства.

Мы указали, таким образом, на двоякое, к чему мы должны стремиться. Во-первых, познать сверхчувственное, действующее в непосредственно окружающем нас мире внешних чувств, то есть в мире человека, животных и растений. Это — путь Михаила. А его продолжение, — найти в этом мире, который таким образом мы сами познаем и признаем за сверхчувственный, импульс Христа.

Описывая вам это, я в то же время касаюсь глубочайших импульсов социального вопроса. Ибо абстрактная Лига Наций не разрешит интернациональной проблемы. Подобные абстракции не принесут объединения людей всей земли. Но Духи, которые ведут людей в сверхчувственное, и о которых мы говорили в течение этих дней,

объединят всех людей.

Внешне человечество приближается ныне к тяжким битвам. Против этих тяжких битв, которые еще только начались (я часто напоминал здесь об этом) и которые доведут старые импульсы земного развития до абсурда, не найти никаких политических, экономических или духовных целебных средств в аптеке прошлой исторической эволюции. Ибо как раз из этих прошлых времен происходят те ферменты брожения, которые сначала привели Европу на край пропасти, которые толкают Азию и Америку друг против друга и которые подготавливают войну, что охватит всю землю. *Этим, ведущим к абсурду, импульсам человеческой эволюции может противостоять единственно и только то, что ведет человечество по пути к духовному: путь Михаила, который находит свое продолжение в пути Христа.*

Лекция 4

Дорнах, 28 ноября 1919 г.

Продолжая речь о том, о чем я говорил вам в лекциях предыдущей недели, я хотел бы сегодня подготовить почву для того, что я подробнее разовью завтра и послезавтра. Я обращаюсь к вашей памяти, но — несколько иначе, чем то было прежде: во многом, почерпнутым из нее, мы будем нуждаться при дальнейшем развитии настоящей темы.

Если мы постараемся уяснить себе ход развития Земли, нам лучше всего рассмотреть и привести в порядок различные события в их отношениях к центральному развитию Земли; ибо этим самым мы придем к определенной структуре всего того, в чем оказался человек в своем собственном развитии в силу развития всего человечества. Эта центральная точка, этот центр тяжести, есть, как вы знаете, *Мистерия Голгофы*, благодаря которой все развитие Земли только и получило свой смысл, свое истинное внутреннее содержание.

Если мы вернемся к развитию западного человечества, получившего импульс Мистерии Голгофы с Востока, то мы должны сказать: приблизительно в пятом столетии до события Мистерии Голгофы начался, происходя именно из греческой культуры, род приготовления к этой Мистерии Голгофы. Мы можем сказать: имеется некоторое единообразное направление в греческом мышлении, чувствовании и волеии на протяжении примерно четырех с половиной столетий, предшествовавших событию Мистерии Голгофы. Это единообразное направление заявило о себе через фигуру *Сократа*, затем нашло свое продолжение собственно в греческой культуре в целом (в искусстве это направление также заметно), было продолжено могучей и выдающейся логичностью *Платона* и получило более научный характер у *Аристотеля*.

Вы знаете из различных лекций, которые я читал вам, что Средние Века

со времен *Августина* были особенно склонны руководствоваться тем, что может быть почерпнуто из способа мышления Аристотеля и использовано с целью понять то, что подготовило Мистерию Голгофы и что последовало за ней. Греческий способ мышления стал весьма важным именно для христианского развития Запада вплоть до конца Средних Веков, благодаря как раз тому, что оно использовалось тогда для проникновения в содержание Мистерии Голгофы. Было бы хорошо, если бы мы уяснили себе, что, собственно, произошло в Греции в течение последних столетий, предшествовавших событию Мистерии Голгофы.

То, что разыгралось в мышлении, чувствовании и волеии греков, было, собственно, последним отзвуком изначальной культуры человечества, пока еще не ценимой ныне. Исторические исследования нашего времени не в состоянии увидеть эти вещи в их истинном свете, так как они не доходят до тех времен, когда культура Мистерий, распространенная тогда по всей цивилизованной земле, глубоко пронизывало все человеческое волеие и чувствование. Мы должны возвратиться к этим давним тысячелетиям, которые не достижимы для истории; должны подойти к ним с теми методами, о которых хотя бы бегло сказано в моей книге "Тайноведение", чтобы увидеть, какова же была природа этой первичной культуры человечества. Она имела свой источник в древних Мистериях, куда великими ведущими личностями допускались те люди, которые были найдены объективно пригодными для непосредственного Посвящения. Познание, которое таким образом передавалось посвящаемым в Мистериях, передавались затем через них к другим людям. Нельзя понять всю древнюю культуру в ее основе, если не принять во внимание ее материнскую почву Мистерий. Эта материнская почва Мистерий может быть еще ясно распознана в произведениях *Эсхила*. Она может быть также прослежена в философии Платона. Но откровения, касающиеся Божественного, которые человечество получало из Мистерий, были утрачены в ходе истории. Только в самом примитивном виде содержатся они еще в том, что стало исторически доказуемой культурой. Мы сможем лучше судить о том, что, собственно, произошло, если уясним себе, что осталось в послесократовское время в греческой цивилизации, от культуры изначальных Мистерий, в которую уходит своими корнями и греческая цивилизация. То, что осталось, — это некоторый способ мышления, некоторый способ представления.

Вы знаете, что внешняя история рассказывает, как Сократ обосновал диалектику, как он был великим учителем в области мышления, — того мышления, которое позже Аристотель развил более научным путем. Но этот греческий способ мышления был только последним отзвуком культуры Мистерий, так как эта культура Мистерий имела очень богатое содержание. Духовные факты, которые лежат в основе нашего космического миропорядка, были включены тогда в общее понимание всех вещей человеком. Это великое возвышенное содержание впоследствии постепенно утрачивалось. Но образ мышления, развитый учениками Мистерий, их способ представлений остался и стал историческим сначала в греческом мышлении, затем снова в средневековом мышлении, — в мышлении христианских теологов, которые

усвоили это греческое мышление с целью, — при помощи форм мышления, при помощи идей и понятий, продолжающих, по существу, греческое мышление постичь то, что притекало в мир через Мистерию Голгофы. Средневековая философия, так называемая схоластика, были слиянием духовных истин Мистерий Голгофы с греческим мышлением. Мыслительное постижение, усвоение Мистерии Голгофы производилось при помощи инструмента (если прибегнуть к этому тривиальному выражению) греческого мышления, греческой диалектики. До события Мистерии Голгофы прошло около четырех с половиной столетий с тех пор, как было утрачено само содержание Мистерий и выступило то, чисто формальное, голое мыслительное, что осталось от древних Мистерий. Мы можем сказать: приблизительно, четыре с половиной столетия. Таким образом, мы видим следующее: в доисторические времена культура Мистерий распространялась тогда по всей цивилизованной земле. В ходе нашего развития от нее остался только своего рода дистиллят в виде греческой диалектики, греческого мышления. Затем совершилась Мистерия Голгофы. На Западе она вначале понималась при помощи греческой диалектики. Каждый, кто ныне пожелает вжиться в науку, скажем, десятого, одиннадцатого, двенадцатого, тринадцатого, четырнадцатого столетия, которая тогда включалась в теологию, должен научиться мыслить совсем иначе по сравнению с привычным современным естественнонаучным способом мышления. Те, кто в наше время высказывает свое суждение о схолистике, не могут, как правило, отдать ей должное, потому что они прошли только через естественнонаучное обучение, а схоластика требует прохождения школы мышления, отличающегося от современного естественнонаучного.

Ныне мы живем в такой момент времени, когда снова четыре с половиной столетия протекли с того времени, как естественнонаучный способ мышления овладел человечеством. Около середины 14 столетия люди Запада начали мыслить тем способом, который мы затем находим уже развитым в некотором смысле до блистательности у *Галилея* и, пожалуй, у *Джордано Бруно*. Он был затем донесен вплоть до наших дней. Это кажется все той же самой греческой логикой, и, однако, в действительности, это — современная, совершенно иная логика. Это — логика, которая постепенно извлекалась из процессов мира природы, тогда как греческая логика извлекалась из того, что ученики Мистерий — мисты лицезрели в Мистериях.

Постараемся теперь уяснить себе разницу между тем положением вещей, которое существовало за четыре с половиной столетия до события Мистерии Голгофы в цивилизованном мире, который ограничивался тогда почти одной Грецией и тем, которое образовалось за четыре с половиной столетия, в которые человечество обучалось естественнонаучному мышлению. Для меня легче изобразить это вам графически (Р. Штайнер рисует на доске). Смотрите на культуру Мистерий, как на род вершины горы человеческой духовной культуры очень древних времен. Эта культура Мистерий, ступенька за ступенькой переходит затем в логику Греции — вплоть до момента Мистерии Голгофы. Затем это находит свое продолжение в схолистике Средних Веков. В течение четырех с половиной

столетий, предшествовавших Мистерии Голгофы, мы имели последние отблески, отзвуки культуры древних Мистерий. А с 15 в. после Р.Х. началось развитие нового способа мышления, который мы можем назвать мышлением по методу Галилея. Время, которое протекло от этой отправной точки до наших дней, имеет, приблизительно, ту же протяженность и тот промежуток времени, который прошел между появлением греческого способа мышления и Мистерией Голгофы. Но в то время, как последний период является заключительным отзвуком, яркой зарей красок вечернего заката, то первая есть своего рода прелюдия, нечто такое, что должно еще развиваться, что должно подняться ввысь. Греческая культура стояла у конца. Мы стоим у начала.

Мы тогда только достигнем полного понимания этого сопоставления одного конца и одного начала, если будем рассматривать развитие человечества с определенной духовнонаучной точки зрения.

Я уже неоднократно излагал здесь, что не без причины предпринимаются в настоящее время попытки того самопознания человечества, которое может быть добыто посредством антропософски ориентированной духовной науки, ибо преобладающая часть человечества стоит перед важными возможностями будущего. В этой связи важно, чтобы мы со всей серьезностью воспринимали тот факт, что исторически развивающееся человечество является претерпевающим развитие организмом. Как в случае единичного организма, мы имеем ступень полового созревания и последующие эпохи преобразования организма, так и в истории человечества мы наблюдаем периодические преобразования. Ныне люди все еще встречают учение о повторных земных жизнях возражением, что они не помнят своих прежних земных жизней.

Каждый, кто постигает историю развития человечества, как историю организма (как я только что указал на это), не будет удивлен тем, что люди с их обыкновенным познанием не помнят ныне своих прежних земных жизней. Ибо я спрашиваю вас: что помнит человек в обыденной жизни? То, о чем он сначала подумал. То, о чем он не думал, он не может вспомнить. Подумайте только, как много событий истекшего дня остались незамеченными вами. Вы не помните их, потому что вы не думали о них, несмотря на то, что они происходили вокруг вас. Вы можете вспомнить только то, о чем вы думали.

А в прежние столетия и тысячелетия человеческой эволюции люди не достигали истинного понимания своей собственной природы. Безусловно, с появлением греческого мышления призыв: — *“познай себя самого”* — существует как стремление, но это *“познай себя самого”* может осуществиться только через реальное духовное познание. Только благодаря тому, что человеческое существо однажды употребляет одну свою жизнь на то, чтобы понять в мыслях самого себя (а человечество созрело для этого в наше время), подготавливается воспоминание для следующей земной жизни. Так как мы должны сначала подумать о том, что мы хотим вспомнить позднее. Только те, кто в древние времена путем Посвящения (которое не обязательно всегда должно получаться в Мистериях) смогли действительно узреть самих себя, в состоянии в наше

время направить взгляд назад, на свои прежние земные жизни. И не так уж мало людей, которые могут это сделать. Тем не менее, положение вещей таково, что человек также и в отношении своей чисто телесной эволюции проходит через преобразования. Эти вещи не могут наблюдаться внешне, физиологически, но их можно наблюдать духовнонаучно. Человечество ныне имеет не ту телесную конституцию, что оно имело две тысячи лет тому назад, и через две тысячи лет, в будущем, оно снова будет иметь иную конституцию. Я не раз говорил вам об этом. Люди идут в своем развитии к такому будущему, когда их мозг во внешнем отношении будет сконструирован совершенно иначе, чем он построен в настоящее время. Мозг тогда обретет возможность помнить прежние земные жизни. Но те, кто не позаботится подготовить себя ныне путем размышлений о своем собственном “Я”, — они будут ощущать эту способность — она механически придет и к ним — просто как свою внутреннюю нервозность (если можно употребить это ходячее выражение), как свой внутренний недостаток. Они не смогут найти то, чего им не хватает, потому что к этому времени человечество так созреет в отношении своей телесности, что люди смогут смотреть назад, в предыдущие земные жизни, но если люди сами не подготовят себя к этому взгляду назад во времени, они не смогут смотреть назад; они будут тогда ощущать эту способность, как недостаток. Поэтому правильное познание сил преобразования, действующих в современном человечестве, показывает, что людям надлежит придти к самопознанию через антропософски ориентированную духовную науку. Сегодня я только упомянул об этом, только укажу на природу этого особенного переживания, переживания человеком его предыдущих Земных жизней.

В настоящее время мы живем в такую эпоху, когда нюансы такого рода ощущений, которые, впрочем, будут становиться все более и более распространенными, обнаруживаются у этих немногих людей. Им уделяется еще мало внимания. Я опишу их вам такими, какими они появятся, когда выступят отчетливо. Люди будут рождаться в мире внешних чувств и они скажут себе: “Живя совместно с другими людьми, я научаюсь сознательно или бессознательно определенному образу мышления. Мысли возникают во мне. Я родился и обучен для определенного способа представления. Но в то же время я взираю на мое внешнее окружение и замечаю: мое мышление, мой способ представления не соответствуют надлежащим образом этому внешнему окружающему миру”. — Такие нюансы ощущений появляются уже ныне у отдельных людей. Их мысли протекают в таком направлении, которое делает для них явственным то, что внешняя природа как будто говорит нечто совсем иное, как будто внешняя природа требует от них чего-то совсем другого. Где бы ни появились подобные люди, которые чувствуют этот разлад между тем, что они должны думать и тем, что говорит внешняя природа, их всегда поднимали на смех. *Гегель*, например, является классическим примером этого. Он высказывал некоторые мысли о мире природы (и не все эти мысли Гегеля — нелепые) и систематизировал их. Тогда пришли филистеры и сказали: Да, это — твои идеи относительно мира природы; но посмотри на тот или иной процесс в природе, — он ведь не согласуется с

ними. И тогда Гегель отвечал: *“Тем хуже для природы!”*

Естественно, что это кажется парадоксом, однако, субъективно это ощущение Гегеля полностью обосновано. Вполне возможно, что кто-либо непредвзято поддается переживанию своих прирожденных мыслей и тогда говорит себе, что окружающая природа, собственно, должна быть иначе устроена, сформирована, чтоб она могла действительно соответствовать этим его мыслям. Безусловно, через некоторое время привыкают к тому, чему учит природа. Большинство людей, которые находятся в таком положении, не замечают, что приобретая опыт наблюдения природы, они тогда в действительности несут в себе как бы две души, собственно, две истины. Те же, которые верно замечают это, могут очень страдать от этого, ибо это вносит в душу человека своего рода раскол. То, что я вам сейчас описываю и что ныне уже наличествует у немногих людей, хотя они часто не замечают этого, будет все более и более распространяться. Люди будут все больше говорить себе: *“В силу того, чем я являюсь от рождения, моя голова заставляет меня образовать в уме определенную картину мира природы. Но она не совпадает с самой природой. Затем, по мере того, как я знакоюсь с жизнью, я с течением времени обучаюсь тому, чему учит сама природа. Я должен найти выход из этого”*.

Такие противоречивые ощущения возникают в наших душах, когда они снова возвращаются на Землю. В нас отчетливо выступает своего рода источник внутренних мыслей и ощущений, которые побуждают нас сказать: *“Да, ты ощущаешь, каким, собственно, должен быть мир, но он не таков, он иной”*. Затем мы вживаемся в этот мир; мы научаемся познанию закономерностей другого рода и мы тогда должны искать того или иного уравнивания обоих наших переживаний. Откуда это происходит?

Представим себе, что человек вступает в физическое существование через рождение. Он приносит с собой в своем мышлении и ощущении плоды своей прошлой земной жизни. За то время, когда он не был соединен с жизнью Земли, внешняя земная жизнь претерпела определенные изменения. Человек ощущает тогда несоответствие между своим мышлением, свойства которого он принес из прошлой жизни, и окружающим миром, каким он стал, изменившись за то время, когда этого человека не было на Земле. А затем человек постепенно приспособляется к новой жизни, но он отнюдь не принимает полностью в свое сознание то, чему научается из окружающего мира. Он воспринимает это как бы сквозь вуаль. Оно перерабатывает это только после смерти и снова приносит в следующую земную жизнь. Человек постоянно будет жить в такой двойственности своей душевной жизни. Он всегда будет сознавать следующее: *“Ты приносишь с собой нечто, по отношению к чему мир, в который ты вступаешь, как физический человек, через рождение, является новым. И через свое физическое существо ты теперь воспринимаешь от этого мира нечто такое, что не полностью проникает в твою душу и что ты должен переработать только после смерти”*.

Современные люди должны были бы очень интенсивно ощущать жизнь таким образом. Ибо, только усвоив это, человек может познать те силы, которые пульсируют в его земном существовании и которые иначе

остались бы совсем незамеченными. А мы вплетены в них. И если мы не стараемся проникнуть в них нашим сознанием, они остаются в нашем подсознании и тогда делают нас в той или иной степени душевнобольными. Такое раздвоение человек будет воспринимать все больше и больше, — раздвоение между тем, что осталось в нем от особенностей его прошлой жизни, и тем, что подготавливается в настоящей жизни для последующей.

И так как человек будет ощущать эту двойственность все более и более, то он будет нуждаться во внутреннем откровении, в истинном внутреннем откровении. И еще более жгучим станет великий вопрос: как может прийти человек к этому внутреннему откровению? Мы сможем найти ответ на этот вопрос, только если убедимся в следующем.

Я часто говорил вам, что мы, как люди, полностью пробуждены, бодрствуем только в нашей жизни, представленной во время между пробуждением и засыпанием в нашей обыкновенной жизни. Жизнь представлений означает полное бодрствование. Мы не полностью пробуждены и тогда, когда мы бодрствуем, в отношении нашей жизни чувствований. Наши чувствования находятся на ступени сновидческого сознания даже тогда, когда мы полностью пробуждены в отношении наших представлений и мыслей. Кто может проводить исследования в этой области, тот знает через непосредственное восприятие, что чувствования в нашем сознании не более жизненны, чем сновидения; только представления, посредством которых выступают чувствования, позволяют им казаться иными!

Но жизнь чувствований, как таковая, возникает из глубин, из подполья сознания подобно тому, как всплывают сновидения. А если в своей собственной жизни, совсем спит в нас — даже во время нашего бодрствования; в отношении воли мы спим. Таким образом, в нашей бодрствующей жизни мы несем внутри себя эти три состояния сознания. В течение дня мы расхаживаем с бодрствующей жизнью представлений, но мы обманываем себя, веря, что бодрствуем также в отношении воли, поскольку нам приходят представления о том, что осуществляет воля. Но не переживание самой воли, а только ее отображение в представлениях, — вот что вступает в наше сознание. *Нам снятся наши чувствования, мы в глубоком сне осуществляем наши воления.* Но если пробуждено имагинативное познание и оно делает то, что прежде было грезами о наших чувствованиях, предметом полного ясного познания мира, тогда мы замечаем следующее. Мудрость содержится не только в наших представлениях и мыслях (будем называть это “мудростью”, хотя у многих людей — это вовсе не мудрость), но мудрость содержится также в наших чувствованиях, она содержится также в вашей воле. В нынешнем человеческом существовании люди могут ясно говорить только о том, что содержится в жизни их представлений. В отношении же мира чувствований современное человечество в общем имеет не больше мыслей, чем о сновидениях; однако, мудрость содержится и в жизни чувствований.

Для тех, кто серьезно применяет для развития своей души упражнения, которые описаны в моей книге “Как достигнуть познания высших миров”,

возможно гораздо скорее, чем другим людям придти к некоторому внутреннему душевному подъему, переживаемому как бы во сне. Для подавляющего большинства людей такого рода переживание будет *только* сновидческим, будет содержать в себе не больше логичности, чем обычные сновидения. Невозможно в сравнительно короткое время осознать тот факт, что хотя это внутреннее переживание не управляется обычной логикой, — оно, поистине, часто управляется весьма гротескной логикой, и самые разнообразные обрывки мысли сочетаются и вступают в игру как в сновидениях, — можно будет осознать тот факт, что тут присутствует некая примечательная логика. Это есть первое переживание, пусть еще очень примитивное, но принадлежащее уже к внутреннему опыту, которое может быть узнано теми, кто применяет, хотя в малой мере, к своей душевной жизни то, что описано в моей книге “Как достигнуть познания высших миров”. Когда человеческое существо погружается в это сплетение, из них всплывает новая реальность, противоположная обыкновенной реальности внешней жизни. Тогда человек сравнительно быстро может заметить, что это появляется новая реальность. И также сравнительно скоро может он заметить, что во всем этом содержится мудрость, но такая мудрость, которую оно не может охватить, для которой он не чувствует себя достаточно зрелым, чтобы полностью осознать ее. Она ускользает от него все снова и снова и он не понимает, что именно значит переживаемое им. Но он замечает или, по меньшей мере может заметить, что мудрость притекает не только в верхний слой его сознания, который доступен человеческому существу в его обыкновенной бодрствующей дневной жизни, но что ниже этого лежит другой слой его сознания, который представляется ему нелогичным по той простой причине, что человек, не будучи в состоянии постичь его мудрость, он сам так его называет. Мы можем сказать: в тот момент, когда человек полностью овладевает имагинативным познанием, эти грезы наяву перестают быть гротескными, каковыми они кажутся обыкновенной жизни; они тут пронизываются такой мудростью, которая указывает на другое содержание действительности, на другой мир, отличный от внешних чувств, который мы меряем нашей обыденной мудростью.

Видите ли, в обыкновенной жизни только мир чувствований всплывает в наше повседневное сознание из его нижнего слоя нашего сознания. А из еще более глубокого слоя, который лежит еще ниже только что упомянутого, всплывает мир воли, который также пронизан мудростью, — полностью и насквозь проникнут мудростью. Мы связаны с этой мудростью, но не сознаем этого в нашем обыкновенном сознании. Итак, мы можем сказать: Мы, люди, управляемся тремя слоями сознания. Первый — это наше *понятийное сознание* (сознание представлений), в котором мы живем повседневно. Второе — *имагинативное сознание*. И третье — *инспиративное сознание*, которое остается глубоко скрытым, но которое действует в нас, безусловно действует в нас, но природу которого мы не распознаем в обыкновенной жизни. Если бы только современная философия была менее запутанной в своих концепциях (я обращаюсь с этим не к лицам, ничего общего с философией не имеющими, но к философам, которые должны были бы заняться этим, но не делают этого),

то она должна была заметить огромную и поразительную разницу, которая существует между истинами, добытыми на основе чистого внешнего наблюдения природы, и истинами, найденными в таких науках, как математика и геометрия, которые потом применяются для достижения понимания внешней природы.

Можно с некоторым правом сказать, что в отношении истин, которые человек приобретает через внешнее наблюдение (на это так часто указывалось в истории философии, что собственно для философов должно быть излишним подчеркивание этого), в отношении того, что устанавливает внешнее наблюдение, мы никогда не можем говорить с полной уверенностью. *Кант* и *Юм* сформулировали это особенно ясно в своем чуть ли не гротескном утверждении, что хотя мы и наблюдаем восходы солнца, мы не можем, однако, утверждать на основе этого наблюдения, что солнце снова взойдет также и завтра; мы можем только вывести заключение из того факта, что если солнце восходило ежедневно, то оно вероятно взойдет и завтра. Так обстоит дело со всеми истинами, которые мы извлекаем из внешнего наблюдения. Но не так обстоит, например, с математическими истинами. Если мы однажды постигли и то мы знаем, что они действительны на все будущие времена. Кто знает, и в состоянии доказать, исходя из внутренних оснований, что квадрат гипотенузы в прямоугольном треугольнике равен сумме квадратов катетов, тот знает, что невозможно начертать прямоугольный треугольник, для которого этот закон не оправдывался бы.

Эти математические истины отличны от истин, к которым мы приходим через внешние наблюдения. Вам известен этот факт, но при помощи современных методов исследования мы не в состоянии проникнуть к лежащим в его основе причинам. Причины этого заключаются в том, что математические истины возникают глубоко во внутреннем существе человека, что они происходят из третьего уровня сознания, из самого глубокого слоя сознания, и без участия самого человека вздымаются в его верхнее сознание, где он их и познает внутренне. Мы владеем математическими истинами потому, что мы сами ведем себя в мире математически. Мы ходим, стоим, и тому подобное; мы двигаемся, описываем на земле определенные линии. Через эту волевою связь с внешним миром мы действительно получаем внутреннее лицезрение математики. Математика происходит из глубокого третьего слоя сознания и вздымается оттуда в его верхний слой.

Жизнь представлений	Полное бодрствование	Мудрость	Жизнь представлений
Чувства	Сновидения	Мудрость	Имагинация
Воля	Сон	Мудрость	Инспирация

Таким образом, хотя и непостижимо их происхождение для обыкновенного сознания, мы имеем достаточно ясное представление по меньшей мере об одной части самого глубокого слоя сознания: мы знаем математические и геометрические понятия, которые приходят к нам

оттуда. Средний слой сознания имеет сновидческий, смутный характер. А затем, в “верхнем этаже”, где протекает дневная бодрствующая жизнь представлений, у нас опять все ясно, и то, что приходит из самого нижнего слоя сознания также ясно в нас. То же, что лежит между ними обоими, доступно переживанию подавляющего большинства только как смутные грезы наяву. Очень важно, чтобы этот факт стал нам вполне ясен. Ибо, видите ли, греки в течение четырех с половиной столетий были в основном связаны с сознанием, которое являлось тем, что досталось им, как остаток культуры Мистерий. А это — чисто Люциферический элемент. Я описывал это вам недавно; это — интеллектуальная культура. Ясность царит в нашей голове. Она пронизана мудростью, действительной мудростью. Но это — Люциферический элемент в нас.

И, наконец, есть то, что существует в нас глубже, что так любимо современными учеными и так было любимо Кантом, что он сказал: наука о природе существует постольку, поскольку она содержит в себе математику. А это — чисто Ариманический элемент, который вздымается сквозь наше человеческое существо. Это есть Ариманический элемент.

Недостаточно знать о чем-либо, что оно само по себе верно. Мы знаем, что вещи, которые мы понимаем рассудком, посредством нашей головы, верны, но это — дар Люциферического элемента. И мы знаем, что математика верна, но этой превосходной правильностью математики мы обязаны Ариману, который сидит в нас. Самый неопределенный элемент находится посередине. Он состоит из по-видимому, нелогично вздымающихся сновидений.

Я опишу вам еще другой симптом, чтобы вы могли понять всю важность того, о чем идет речь. В своей основе вся математическая концепция Вселенной, ее пронизанность математикой, как она возникла у Галилея и Джордано Бруно, вырастает из этого глубочайшего слоя сознания. Четыре с половиной столетия протекли с тех пор, как мы начали это, — с тех пор, как мы начали вводить этот Ариманический элемент в наше человеческое мышление и ощущение.

В то время как в столь ясном свете греческого сознания сиял последний отблеск культуры Мистерий, в самом глубоком, в самом темном слое нашего сознания возникает то, что только в будущем достигает своей вершины.

- 1) Жизнь представлений: (Люцифер)
- 2) Имагинации: Сознание
- 3) Инспирации: (Ариман).

Наша душевная жизнь действительно подобна коромыслу весов, которую надо стараться держать в равновесии между Люциферическим элементом с одной и Ариманическим элементом с другой. Люциферический элемент заключен в нашей светлой голове, Ариманический же элемент находится глубоко внизу, в мудрости, которая пронизывает нашу волю. Между ними обоими мы стараемся удержать состояние равновесия, пребывая в том элементе, который сначала кажется нам ничем не пронизанным.

Как вступает мудрость в эту среднюю часть человека? Человек так устроен в мире в настоящее время, что голова его поддерживается

Люцифером, его мудрость системы обмена веществ и конечностей — Ариманом. То, что мы описали как среднее состояние нашего сознания, зависит от нашей организации и от ритмической системы, включающей сердце человека. Эта сфера нашего существования должна постепенно стать столь же упорядоченной, как упорядочены головная мудрость — посредством логики, а все то, что мы знаем на Ариманический лад — через математику, геометрию и через внешнее рациональное наблюдение природы. Что же должно внести внутреннюю логику, внутреннюю мудрость, внутреннюю способность ориентации в среднюю часть человеческой природы? Это — *Импульс Христа*, который вступил в земную культуру через Мистерию Голгофы.

Таким образом, вы видите, что существует своего рода духовнонаучная анатомия, которая показывает нам, что такое культура, происходящая от головы, что такое культура, происходящая от обмена веществ, и что такое та сфера нашего организма, которая лежит *между* теми двумя и в чем эта средняя сфера нуждается. Пронизание себя импульсом Христа является необходимостью для существа человека.

Предположим гипотетически на одно мгновение, что Мистерия Голгофы не вступила в развитие Земли. Человек и тогда обладал бы головной мудростью. Он имел бы также и то, что возникло и развивается с 15-го столетия после Р.Х. Но в отношении средней (центральной) части своего существа оно было бы опустошенным и отравленным. Он чувствовал бы все больший и больший раскол, разверзающийся между теми двумя другими его внутренними сферами. Для него стало бы невозможно достичь *состояния равновесия*. Мы можем достигнуть этого состояния равновесия только пронизывая себя все более и более импульсом Христа, который обеспечивает состояния равновесия между Люциферическим и Ариманическим элементами.

Отсюда вы видите, что мы можем сказать: в те четыре с половиной дохристианские столетия человеку был дарован для приготовления к Мистерии Голгофы последний отблеск культуры древних Мистерий, который уплотнился в своего рода головную память об этой древней культуре. И в новое время человек прошел через четыре с половиной столетия подготовки к некоему новому духовному направлению, к некоему роду культуры Мистерий. Но для того, чтобы эти две стороны могли быть объединены в историческом развитии человечества, должна была произойти Мистерия Голгофы, как объективный факт, включенный в развитие человечества. Однако, внутренне это развитие человечества протекало таким образом, что люди тем временем подрастали и развивались, пока в 15-ом столетии они не получили новый импульс, который я охарактеризовал как импульс Аримана, и благодаря которому они стали впервые ощущать все больше и больше; мы нуждаемся в возможности построить мост между тем и другим.

Таким путем мы можем внутренне постичь тройственное существо человека. И мы поймем его еще более правильно, если к тому, что я сказал сегодня, мы присоединим нечто, о чем я уже неоднократно упоминал. Было невозможно для древнего грека, который еще сохранил остатки древней культуры Мистерий, быть атеистом, — хотя это и

случилось тогда у немногих *выродков*, но не в такой мере, как это происходит в наше время. Атеизм, по существу, возник в новое время, по крайней мере, в своих радикальных проявлениях. Ибо грек, который был действительно проникнут диалектикой, чувствовал правление Божественного в мышлении, даже в мышлении, лишенном содержания.

Если мы знаем это и затем бросим взгляд на появление атеизма, на полное отрицание Божественного, то мы найдем его корни. Только те люди (естественно, мы нуждаемся в методах духовной науки, чтобы распознать их) являются атеистами, в чьем существе нечто органически расстроено. Безусловно, это может иметь место в очень тонких структурных взаимоотношениях внутри организма, но это — безусловный факт, что *атеизм в действительности есть некая болезнь*.

Это первое, что мы должны твердо усвоить: *атеизм — это болезнь*. Ибо, если наш организм полностью здоров, то гармоническое функционирование всех его отдельных частей приводит к тому, что мы сами ощущаем наше происхождение от Божественного: *“От Бога рожденными”*.

Второе же является, безусловно, несколько иным. Человек может ощущать Божественное, но не иметь никакой возможности ощутить Христа. В этом отношении ныне еще не умеют проводить тонкого разграничения. Тут слишком удовлетворяются всего лишь словами, как и в других областях. Если мы исследуем сегодня истинное духовное содержание взглядов многих людей Запада и не поддадимся влиянию их слов, — а они говорят, что они согласны с христианскими заповедями, что они верят в свободу воли и так далее, — то мы найдем, что вся конфигурация их Мышления противоречит их высказываниям такого рода. Только благодаря их участию в культурной жизни Запада привыкли они говорить о Христе, о свободе и так далее. В действительности же, большое количество людей, живущих среди нас, ничто иное, как турки; ибо содержание их верований есть фатализм, присущий вере магометан, — хотя этот западный фатализм часто описывается под видом неизбежных закономерностей мира природы. Магометанство гораздо более распространено, чем мы думаем. Если мы сосредоточим наше внимание не на словах, а на духовно-душевном содержании, мы найдем, что многие христиане являются по существу турками. Они называют себя “христианами”, а между тем они не могут найти перехода от Бога, которого они ощущают, ко Христу.

Мне стоит только привлечь ваше внимание к классическому образцу современного теолога, каким является *Адольф Гарнак*, написавший книгу “Сущность Христианства”. Пожалуйста, произведите следующий опыт: выскоблите в этой книге имя “Христос” везде, где оно встречается, и замените его просто словом “Бог”, и это ничего не изменит в содержании этой книги. Он говорит только о Боге-Отце, об Основе всего мира. Нет никакой необходимости, чтобы то, что этот человек высказывает, относилось бы ко Христу. Что бы он ни доказывал, это и внешне и внутренне неверно, хотя он заимствует различные сообщения из Евангелия; но из того, как он обрабатывает их, нет никакого основания связывать их с Христом. Мы должны приобрести возможность постижения

Христа таким образом, чтобы не отождествлять Его с Богом-Отцом. Особенно много среди современных евангелических теологов таких, которые не в состоянии более проводить различие между общим понятием Бога и понятием Христа. Не быть в состоянии найти в жизни Христа, — это совсем иное, чем не быть в состоянии найти Бога-Отца. Вы знаете, что дело здесь вовсе не в сомнении в Божественности Христа, дело — в чистом различии в сфере Божественного, между Богом-Отцом и Богом-Христом. Это отражается на душевной жизни человека. *Не найти Бога-Отца — это болезнь; не найти Христа — несчастье.* Ибо, человек так связан со Христом, что внутренне зависит от этого. Он, однако, зависит тут от чего-то такого, что совершилось как историческое событие. Человек должен найти связь с Христом здесь, на земле, во внешней жизни. Если он не найдет Его, — это несчастье. Не найти Бога-Отца — значит быть атеистом; это — болезнь. Не найти Бога-Сына, Христа, — это несчастье.

А что означает, если мы не найдем Духа? Не быть в состоянии постичь собственную духовность и таким образом найти связь собственной духовности с духовностью Вселенной — означает слабоумие; непризнание Духа — это душевное слабоумие.

Пожалуйста, запомните эти три недостатка, грозящие человеческой душе. Тогда завтра мы сможем продолжать правильным образом продолжать наши рассуждения. Запомните то, что это — болезнь, если мы атеисты, если мы не находим Бога, которым мы рождены и которого мы должны найти, если обладаем вполне здоровым организмом; что это — несчастье, если мы не можем найти Христа; что это — душевное слабоумие, если мы не можем найти Духа.

Подобным же образом различаются друг от друга пути, ведущие человека к Троице. Будет все более и более необходимо для человечества вникать в эти конкретные факты душевной жизни, а не оставаться запутавшимися в общих, туманных, нечетких представлениях. Заменить эту склонность к туманности представлений, ныне являющуюся особенно распространенной, склонностью вникать в конкретные факты душевной жизни, — это — важная задача нашего времени.

Лекция 5

Дорнах, 29 ноября 1919 г.

Только через усвоение, по меньшей мере, самых важных и значительных законов человеческого развития может достичь человек истинного сознания, которое будет поддерживать его душу; он должен познать то, что вносится ходом человеческого развития и сделать это частью своей душевной жизни. Это — задача современного человека. Тут надо принять полностью во внимание, — я уже сделал такое замечание на этих днях, что само развитие человечества является своего рода

развитием живого существа. Как в случае развития отдельного человеческого индивидуума имеет место закономерный рост, так же происходит и в развитии всего человеческого рода. И так как в настоящее время настал момент, когда человеку надлежит поднять в свое сознание некоторые вещи, и так как человеческое существо участвовало ведь в течение своих повторных земных жизней в различных формах развития человечества в его истории, то становится необходимым развить понимание различий душевного настроения людей в отдельные эпохи эволюции человечества. Я часто уже говорил, что то, что мы называем сегодня историей, является, собственно, некой “*story*” (То есть, сказкой, которую условились принимать за истину. — *Прим. пер.*), ибо, абстрактное перечисление событий и поиски причин и следствий исторических процессов, производимые в самом внешнем смысле, не принимают в расчет происходящих преобразований, метаморфоз самой человеческой душевной жизни. Когда исходя из этой точки зрения мы делаем проверку фактов, то с легкостью убеждаемся в том, что это — предрассудок, верить, будто теперь душа людей обладает таким же строем, как и в те времена, от которых сохранились самые ранние исторические документы. Это — не так. Люди, даже самые простые, самые примитивные люди 9 и 10 столетия христианской эры, имели душевный строй совсем другой, чем у людей, живших после середины 15 столетия. Это можно установить в отношении как самых нижних слоев человеческого рода, так и в отношении его верхних слоев тоже. Попробуйте, например, разобраться в примечательном сочинении Данте о “Монархии”. Если вы читаете подобную книгу не как курьез, но с некоторым культурно-историческим чутьем, то вы заметите, что такое сочинение представителя своего времени содержит вещи, которые не могли бы быть высказаны современным человеком, проистечь из его души.

В этой книге, которая была задумана им, как серьезный трактат о правовом и политическом обосновании монархии. Данте пытается показать, что римляне были самым превосходным народом в мире; он пытается показать, что завоевание всей земли в пределах, известных в то время, было исконным правом римлян. Он старается доказать, что право римлян завоевать всю землю было большим, чем право на независимость отдельных, меньших народов; ибо это было, мол, волей Бога, чтобы римляне правили различными меньшими народами — для собственного блага этих последних. Данте предлагает много доказательств в духе своего времени для оправдания права римлян владеть всей Землей. Одно из доказательств следующее. Он говорит: римляне происходят от Энея. Эней был женат три раза. Сначала на Креусе; через этот брак он получил право как родоначальник править Азией. Второй раз он женился на Дидоне; через этот брак он получил право, как предок римлян, управлять Африкой. Затем он женился на Лавинии и тем самым приобрел себе, а значит и для римлян, право управлять Европой. Герман Grimm, который однажды обсуждал эту вещь, сделал следующее, — я думаю, меткое — замечание: “Какое счастье, что в это время Америка и Австралия еще не были открыты!”

Но такого рода умозаключения были само собою разумеющимися для

просвещенного ума времени Данте, поистине самого выдающегося ума того времени. Таким было тогда юридическое доказательство. Теперь я прошу вас вообразить, что какой-то юрист настоящего времени выведет подобное заключение. Вы *не можете* даже вообразить этого. И столь же мало можете вообразить, чтобы способ мышления, который Данте применяет в отношении ряда других предметов, мог возникнуть из душевного строя человека настоящего времени. Так, совершенно очевидный факт показывает, что мы должны принимать во внимание преобразование душевного строя людей. Недостаток понимания этих вещей был терпим в известной мере, до нашего времени. Но это не годится более в наше время, а особенно это не будет годиться для человечества в будущем по той простой причине, что человечество, вплоть до нашего времени или, по крайней мере, до конца 18-го столетия, имело некоторые инстинкты (после Французской революции все это постепенно менялось, но все же еще сохранялись остатки старого). Исходя из этих инстинктов, человечество было способно развить такое сознание, которое поддерживало душу. Но в настоящем состоянии постоянно изменяющегося организма человечества эти инстинкты более не существуют, и человек должен сознательно приобретать связь со всем человечеством в целом. В этом, в конечном счете, глубочайшее значение социального вопроса в настоящее время. То, что люди утверждают в своих партийных платформах, — это только поверхностные формулировки. То, что подымается из подспудных глубин человеческих душ, выражается в таких формулировках; человечество чувствует, что отдельной личности необходимо приобрести сознательную взаимосвязь со всем человечеством, то есть приобрести себе, усвоить социальный импульс.

Мы не можем сказать этого, не приняв действительно во внимание закон развития. Сделаем это еще раз после неоднократного повторения, бывшего по отношению к другим вопросам. Возьмем, как пример, время от 4 до 16 столетия христианской эры. Мы видим, как христианство распространяется в цивилизованной Европе. Мы найдем, что это распространение христианства носит характер, о котором я говорил вчера и много раз прежде. Мы найдем, что большие усилия были приложены в это время для понимания тайн Голгофы посредством человеческих представлений и понятий, переданных греческой культурой. Затем началась изменившаяся форма развития. Мы знаем, что она наступила уже около середины 15 столетия; но это сделалось ясно различимым только в 16 столетии. В это время начало брать верх и все более и более распространяться естественнонаучно ориентированное мышление, захватывая сперва верхний слой человечества, а затем постепенно проникая все глубже и шире.

Сосредоточим наше внимание на некоторых особенностях этого естественнонаучного мышления. Можно перечислить ряд качеств естественнонаучно ориентированного мышления, но сегодня мы особенно остановимся на одном из них. Это следующее: действительно крепкий современный мыслитель в настоящем смысле слова не в состоянии справиться с проблемой природной *необходимости и свободы человека*. Естественнонаучное мышление современности движется все больше и

больше к признанию человеческого существа членом остальной природы, причем последняя понимается как поток причин и следствий твердо определяющих друг друга. Безусловно, есть и сегодня много людей, которые ясно видят, что свобода, переживание свободы, есть факт человеческого сознания. Но это не мешает им быть неспособными постичь эту проблему, так как они заключены в границах естественнонаучного образа мышления. Если мы мыслим о существовании человека в разрезе требований современного естествознания, то мы не в состоянии примирить этот образ мышления с мыслью о человеческой свободе. Некоторые люди очень легко относятся к вопросу о человеческой свободе, к человеческому чувству ответственности. Я знал одного профессора уголовного права, который начинал каждый раз свой курс лекций по уголовному праву следующим замечанием: “Господа! Я буду читать вам лекции по уголовному праву. Начнем с принятия аксиомы, что существуют человеческая свобода и ответственность. Так как если бы не было человеческой свободы и ответственности, то не могло бы быть и никакого уголовного права. Однако, уголовное право существует, так как я должен читать вам лекции о нем; значит человеческая ответственность и свобода существуют также”. — Эта аргументация несколько простовата, но она указывает на те трудности, которые ныне возникают перед людьми, когда они задают вопрос: как природная необходимость может быть соединена со свободой? Иными словами, это показывает, как развитие, совершившееся за несколько последних столетий, заставляет людей думать об известном всемогуществе природной необходимости. Это не выражают в точности такими словами, но, тем не менее, признают известное всемогущество природной необходимости. Что же это такое — всемогущество природной необходимости? Мы лучше поймем друг друга, если я напомню вам то, о чем я уже часто упоминал. Современные мыслители верят, что они действуют — или, вернее, думают — без предубеждений, просто как научные исследователи, когда они утверждают, что человек состоит из тела и души; не правда ли, люди, вплоть до якобы великого философа *Вильгельма Вундта*, — который, однако, стал “великим” просто благодаря любезности своего издателя, — люди утверждают: если мы мыслим без предубеждений, чисто научно, то мы должны считать человека состоящим из души и тела, если мы вообще еще приписываем душе действительность. И очень робко пробивается та истина, а именно, что человек состоит из тела, души и духа. Философы, считающие себя свободными от предубеждений и верующие в то, что человек состоит из тела и души, не знают, что их концепция является всего лишь результатом хода исторического процесса, отправной точкой которого был восьмой Вселенский Собор в Константинополе, когда Католическая церковь упразднила дух, установив догму, что впредь ортодоксальный христианин должен мыслить человека, состоящим только из тела и души, причем, душа имеет некоторые духовные свойства. Это был церковный закон; философы учат ему и сегодня, не зная, что они просто следуют церковному закону. Они же думают, что они движут вперед непредвзятую науку. Таково сегодня положение в отношении многого того, что называется “непредвзятой наукой”.

Так обстоит дело и с природной необходимостью. В течение всего времени развития между 4-м и 16-м столетиями все больше кристаллизовалось вполне определенное понятие Бога. Если войти в тонкости духовного развития этих столетий, то встречаешься с тем фактом, что в человеческом мышлении все более и более вырабатывалось вполне определенное понятие Бога, которое достигло своей кульминации в изречении: *Бог-Всемогущий*. Мало кто знает о том, что для людей, живших до 4-го столетия христианства, не имело никакого смысла говорить о Боге как Всемогущем. Мы сейчас не углубляемся в истины катехизиса; там вы, естественно, найдете: Бог всемогущ, всемудр, всеблаг. Все это вещи, не имеющие ничего общего с действительностью. До 4-го христианского столетия никто не мог рассматривать всемогущество как основное свойство Божественного Существа, если он действительно понимал эти вещи, разбирался в них. Ибо, в это время еще оказывали свое действие греческие понятия. Думая о Божественном Существом, люди тогда говорили в первую очередь не “Бог-Всемогущий”, а “Бог-Всеведущий”.

Бог-Всемогущий

Четвертое столетие

Бог Всемогущий

Шестнадцатое столетие

Мудрость была тогда тем, что в первую очередь считалось основным атрибутом Божественного Существа. И понятие Всемогущества только постепенно проникало в идею Божественного Существа, начиная с 4-го христианского столетия. Это получило дальнейшее развитие. Понятие личности было отброшено и за атрибут был принят простой распорядок природы, понимаемый все более и более механически. И новейшее понятие природной необходимости всемогущества природы есть нечто иное, как результат развития понятия Бога с 4-го по 16-ое столетие. Только атрибуты, свойства личности были отброшены, и то, что прежде составляло понятие Бога, было превращено в способ мышления естествознания.

Но современные истые ученые-естественники будут, конечно, решительно возражать против чего-либо подобного. Как многие философы верят, что они мыслят непредвзято о человеке, рассматривая его состоящим из тела и души, хотя в действительности они просто следуют за VIII Вселенским Собором, состоявшемся в Константинополе в 869 г. так же, как эти философы — и геккельянцы и дарвинисты, и физики с их природной необходимостью, зависят от хода исторического процесса. Зависят они от того теологического течения, которое развилось, выработалось во время от *Августина* до *Кальвина*. Эти вещи должны быть вполне поняты. Своеобразием каждого эволюционного течения является то, что оно включает в себя как определенную эволюцию, так и инволюцию, или деволюцию. И в то время, когда развивалось понятие “Бога Всемогущего”, в подсознательных сферах человеческой душевной жизни существовало *подспудное течение*, которое стало затем ведущим *верхним течением* — *природная необходимость* (см. схему: красная линия). А начиная с 16-го столетия существует новое подспудное течение, которое подготавливается как раз в наше время стать *верхним течением* (синяя линия).

Бог Всеведущий 4-е столетие (красная)	Бог Всемогущий 16-е столетие (синяя)	Природная необходимость Наше время
---	--	---------------------------------------

Для эпохи Михаила характерно, что то, что подготавливалось в форме подспудного течения природной необходимости, должно было теперь стать верхним течением. Но если мы хотим приобрести какое только возможно понимание того, что, собственно, таким образом подготавливалось, мы должны постигнуть внутренний дух развития Земли.

Я недавно обращал ваше внимание на то, что происходящее само собою в земном развитии и особенно в развитии человечества, движется, собственно, по нисходящей линии. Земное человечество и развитие самой Земли находятся на пути упадка. Я привлекал ваше внимание к тому факту, который ныне признан геологической истиной со стороны серьезно мыслящих геологов, а именно, что земная кора находится в процессе распада, но в особенности само человечество находится в процессе упадка под влиянием собственно земных сил мира внешних чувств. И человечество в своем процессе развития должно настолько подвигнуться дальше, чтобы воспринять духовные импульсы, которые работают против упадка. Поэтому сознательная духовная жизнь должна войти в человечество. Нам должен быть ясен тот факт, что мы уже прошли, оставили позади высший пункт земного развития. Для того, чтобы земное развитие могло двигаться дальше, духовное должно восприниматься людьми все более и более ясно и отчетливо.

Сперва это кажется абстрактным фактом. Но для духовного исследователя это никак не абстрактный факт. Вы знаете, что мы можем проследить развитие *Земли* через стадии Сатурна, Солнца и Луны, вплоть до стадии *Земли*. Это развитие может быть охарактеризовано также следующим образом: если мы говорим о современном человечестве, то тогда мы по существу должны рассматривать развитие человечества через периоды *Сатурна*, *Солнца* и *Луны*, как подготовку, как предварительную стадию развития. Только на самой Земле, получив свое "Я", человек действительно достиг ступени человечности и в его существо будет вливаться дальнейшее в течение последующих стадий развития Земли.

Вы знаете, что так называемые Архаи, теперешние Духи Личности или Духи Времен, были на стадии Сатурна, хотя и в совершенно иной форме, с совершенно иным внешним обликом, на той ступени развития, на которой человек находится теперь. Я выражал это в моих книгах, говоря: "То, что мы обозначаем сегодня как *Архаи*, *Духи Личности*, было человеком в течение периода *Сатурна*; *Архангелы* были человеком в течение периода *Солнца*, *Ангелы* — в течение периода Луны. В течение периода *Земли* мы стали человеком".

Наше собственное развитие, конечно, шло параллельно всему тому, в порядке подготовки к дальнейшему. Если мы вернемся назад, хотя бы только к Лунной стадии, то мы должны сказать: "Здесь *Ангелы* были человеческими существами, конечно, человеческими существами с совершенно отличной от нас внешностью, так как на древней *Луне* были совершенно иные условия. Но параллельно с этими людьми Луны, то есть

с Ангелами, развивались также мы, достигнув за стадии развития, предшествовавшие Земле, очень подвинутого вперед состояния, так что Ангелы должны были там уже принимать нас во внимание. Особенно в течение *нисходящей* фазы эволюции Луны мы создавали тягостные заботы Ангелам. То же самое, однако, происходит также с нами во время *нисходящей эволюции Земли*; со времени, когда эволюция Земли пошла по нисходящей линии, другие существа дают себя чувствовать”. Это очень значительный, очень важный результат духовнонаучного исследования, к которому следует отнестись очень, очень серьезно, а именно, что мы уже вступили в ту стадию развития *Земли*, когда дают себя чувствовать существа, которые на *Юпитере* — на следующей стадии эволюции Земли — продвинуты до формы человека, иной формы человека, безусловно, чем наша, но которая, тем не менее, может быть сравнена с существом человека. Ибо мы станем иными существами на Юпитере. Это, так сказать, будущие люди Юпитера, существуют уже теперь, точно так, как мы существовали на древней Луне. Они существуют, понятно, невидимые внешне; но я уже разъяснил вам раньше, что значит быть видимым внешне, и что человек есть также сверхчувственное существо. Сверхчувственно эти существа присутствуют здесь очень определенно.

Я подчеркиваю еще раз: это является исключительно серьезной истиной, что определенные существа, фактически присутствующие в окружении человечества, дают о себе знать. Они дают знать о себе все более и более, начиная с середины 15-го столетия. Эти существа обладают преимущественно импульсом такой силы, которая очень похожа на человеческую силу воли, о которой я говорил вам вчера, как о существующей в самом глубоком слое человеческого сознания. Эти невидимые существа связаны с тем, что ныне остается вне поля обычного сознания, но они уже дают очень сильно знать о себе в ходе развития современного человечества.

Для лиц, которые действительно серьезно относятся к духовным исследованиям, это — проблема огромной важности. Я столкнулся с этой проблемой особенно сильно (в свое время я говорил об этом в той или иной форме различным нашим друзьям), можно сказать тогда, когда в 1914 году разразилась катастрофа этой войны. Следовало бы спросить себя: Как могло обрушиться на европейское человечество такое событие, которое фактически невозможно измерить в отношении его причин тем путем, который обычно применялся в отношении прежних исторических событий? Тот, кто знает, что не более 30 или 40 человек в Европе участвовали в решениях, приведших к войне 1914 года и кто знает также, в каком душевном состоянии находились почти все эти люди, — он должен был столкнуться с упомянутой, столь серьезной проблемой. Ибо почти все эти люди, как ни странно это звучит сегодня, находились тогда в тусклом, помраченном состоянии сознания. Вообще, в течение последних лет произошло многое такое, что было вызвано помраченностью человеческого сознания. На самых решающих постах мы видим в 1914 году везде людей, которые наиболее ответственные решения конца июля и начала августа принимали в состоянии помраченности сознания; и это продолжается вплоть до нынешнего дня. Это — проблема: грозная по

своей природе. Если мы исследуем ее духовнонаучно, то мы найдем, что эти помраченные сознания людей были теми вратами, через которые именно эти существа воли были в состоянии проникнуть и овладеть сознанием тех людей; они овладели помраченным, затуманенным сознанием тех людей и действовали через их сознание. А эти существа, которые вмешались таким образом, — они суть еще дочеловеческие, подчеловеческие существа. Что же они за существа? Мы должны поставить этот вопрос совершенно серьезно: *какие же они, собственно, существа?*

Так вот, мы задавали вопрос относительно происхождения человеческого разума, о происхождении разумного человеческого поведения, которое, говоря попросту, имеет свое орудие в нашей головной организации. И мы увидели, что эта способность разумного постижения нашей души восходит к тому деянию Архангела Михаила, которое обычно символически изображается как низвержение *Дракона*. Собственно, это — очень тривиальный символ. Ибо, если мы верно представляем себе Михаила с Драконом, то мы должны сказать: “Вот — Существо Михаила, а вот — Дракона, который, собственно, есть все то, что входит в наш так называемый разум, в нашу способность мыслить. Не в Ад низвергает Михаил вражескую рать его Супостата, но в человеческие головы; там этот Люциферический импульс продолжает жить дальше...” Я ведь характеризовал вам человеческий разум, как, собственно, Люциферический импульс. Таким образом, мы можем сказать: если мы посмотрим назад, в прошлое развитие *Земли*, то мы найдем *Деяние Михаила* и с этим Деянием Михаила связано озарение человека его разумом.

Подчеловеческие существа, главный характер которых выступает в импульсе, очень сильно перекликающемся с человеческой волей, с человеческой силой воли, появляются теперь в некотором смысле снизу, в то время как полчища сил, низверженных Михаилом, пришли сверху, и в то время как последние овладели человеческой способностью представления, первые овладевают человеческой силой воли, соединяются с нею, они суть существа, происходящие из царства Аримана. Ариманическими были те влияния, которые действовали через помраченные сознания людей. Да, пока не принимают во внимание эти силы, как силы объективно существующие в мире так, как, например, принимают во внимание то, что сегодня называют магнетизмом, электричеством и т.д., до тех пор не достигнуть никакого прозрения в мир той природы, что согласно гимну в прозе Гете охватывает собой также человека. Природа же, которая описывается нынешним естествознанием, не содержит в себе человека, а только его физическую оболочку.

В начале становления Земли имело место низвержение сверху, падение Люциферических существ; ныне же происходит подъем, проникновение Ариманических существ снизу. Первые существа обнаруживаются во влиянии Люциферической способности представления, последние — во влиянии на человеческую силу воли; мы должны распознать вступление этих последних существ в развитие человечества. Мы должны уяснить себе, что эти существа приходят и что мы должны считаться с природой

их влияний, которое, впрочем, в настоящее время распространяется только на человека; так как царство животных будет только позднее втянуто в собственно земной период развития. Поэтому на животных эти существа пока еще не имеют влияния. Но мы не в состоянии постичь, что такое человеческий род, не принимая во внимание этих существ. И эти существа, которые, можно сказать, вытолкнуты сзади, так как позади них стоит собственно Ариманическое могущество, которое наделяет их крепкой силой воли, которое вливает в них направляющие их силы, — эти существа, которые сами по себе суть подчеловеческие существа, они в своей массе подвластны высшим Ариманическим духам и вследствие этого имеют в себе нечто такое, что значительно превосходит их собственную природу и сущность. Поэтому, если они овладевают человеком, они обнаруживают в своем вмешательстве нечто такое, что действует сильнее, гораздо сильнее того, чем слабое человеческое существо может располагать сегодня, если оно не укрепляет себя духовно. Какова цель этой рати? Если та рать, Люциферическая рать, которую Михаил низверг вниз, имела целью озарение человека, понижывание человека разумом, то эта рать имеет своей целью некое проникновение в человеческую волю и чего эти существа хотят? Они неким образом зарываются в самые глубокие слои сознания, где человек еще спит сегодня в своем бодрствующем состоянии. Человек не замечает, как эти существа входят в его душу, а также и в тело. Здесь они притягивают к себе при помощи своей силы притяжения все то, что осталось Люциферическим, — что не стало пронизано Христом. Этого они могут достичь; этим они могут овладеть.

*Эти вещи очень актуальны! Я уже упоминал об одном явлении, которое имеет совсем особенное культурно-историческое значение. Теперь мы ведь читаем так называемые сочинения самооправдания, всевозможные люди, начиная с Теобальда Бетмана и вплоть до Ягова, все они, все пишут (Клемансо и Вильсон пришли к этому позднее, но они также пишут), все пишут. И вот, отсюда достаточно извлечь что-нибудь одно только, например, те два толстых тома, написанных Тирпицем, или два тома, написанных Людендорфом; это в высшей степени интересно для человека, который мыслит, который мыслит вместе с Духом своего времени, проследить тот род и способ, как пишут люди, подобные Тирпицу и Людендорфу. По своему содержанию эти сочинения весьма различны, так как Тирпиц и Людендорф терпеть не могли друг друга; они придерживались совсем различных взглядов. Но здесь мы хотим говорить не об их мнениях, но об их духовной конфигурации. Эти книги написаны на современном немецком языке, по меньшей мере, приблизительно на современном немецком языке, но они фактически (тут надо иметь способность понимания этого, а не то отнесешь такую книгу, раз на ней стоит год издания 1919, к современной эпохе) написаны сообразно такому способу представления, что можно задать себе вопрос: “Да, что же это, собственно, за форма мышления?” Этот вопрос я задал себе совершенно серьезно и исследовал обе названные книги в этом отношении. Ибо это — совершенная неправда, в действительности неправда, что эти книги написаны по-немецки; внешне они написаны по-немецки, но это,

собственно, всего лишь перевод. Ибо формы мышления суть те же самые, какие были во время римских кесарей; у этих людей — в точности тот же способ мышления, какой наличествовал у римского кесаря!

Как раз тогда, когда приобретено понимание метаморфозы, которую проделывает человечество (как я перед этим описал ее) замечаешь, насколько отстали подобные души, так как они, собственно, не приняли участия в этой метаморфозе. Мемуары Тирпица и мемуары Людендорфа, они лишь случайно касаются современных событий; с таким же успехом они могли бы трактовать о военных походах Цезаря. Это точно доказуемо для того человека, который владеет методом доказательства подобных вещей. Итак, другими словами: христианство прошло мимо этих людей, в них нет ничего христианского. Слова, верно, были у них; они может быть в своей юности также молились в христианских церквях, — я этого не знаю (о Тирпице я этого не думаю, о Людендорфе — тоже), но это ведь ни о чем большем не говорит, — действительного Христова Импульса в своем сердце, в своей душе они не имели. Они остановились на более ранней степени развития человечества. К людям с такой конфигурацией представлений могут подступать те духи, о которых я говорил. Они могут завладеть ими, увлечь их за собой. Таким путем хотят они утвердить свое господство. Но вследствие этого вторгается некий чуждый элемент, вторгается из некоего духовного мира как чуждый элемент в решения, принимаемые этими людьми. В отношении Людендорфа это может быть прямо доказано исторически, хотя еще пока нет “исторической психопатологии” (впрочем, в не слишком далеком будущем она станет практиковаться), в отношении Людендорфа это может быть прямо доказано. Это было 6 августа 1914 года при взятии Люттиха (по-французски — Льежа). На одной из улиц наступление целого воинского соединения застопорилось; Людендорф был среди него, тогда еще в чине полковника, — и на него пала необходимость и вся ответственность принятия того или иного решения. Только благодаря его молниеносному решению свершилось то, что произошло тогда с Люттихом. Но при этом Людендорфом было утрачено нормальное состояние сознания. Это ввергло его в такой склад душевной жизни, который принадлежит еще времени римских цезарей, и принесло помрачения сознания, открывшее врата для вступления в него Ариманического мира. **

Наше время ставит перед нами эти проблемы. Мы не можем больше проходить мимо этих вещей. Они, конечно, не удобны, ибо для людей стало удобным думать иначе, то есть вообще не думать о человеке, не изучать его поближе. И это не безопасно, говорить об этих вещах всю правду, в то время, когда многие люди совсем не любят чувства правды, не считая еще и того факта, что ложная сентиментальность может найти сообщение об этих вещах проявлением душевной жестокости.

Однако, результатом проникновения в эти вещи будет основательное познание необходимости импульса Христа. Можно распознать, где повсюду недостает импульса Христа. Вчера мы показали, что импульс Христа должен вступить в средние слои сознания. Сегодня мы можем добавить: если импульс Христа охватит средний слой сознания, если человек действительно пронижет себя Христом, тогда эти Ариманические

силы не смогут пробиться через средний слой сознания вверх, и тогда они не смогут своими духовными силами увлечь вниз силы разума. Все зависит от этого. Крайне важно, чтобы сегодня мы распознавали природу влияний, которые приходят к нам от внечеловеческих, подчеловеческих существ, в свою очередь находящихся под влиянием других существ. Важны также и некоторые другие влияния, которые коренятся только в мире людей. Неделю назад я говорил вам о *влиянии Михаила*. Я характеризовал вам это влияние Михаила. Оно очень необходимо. Ибо как верно то, что через деяние Михаила пришло Люциферическое излияние человеческого разума, так верно и то, что ныне возникает противоположный полюс, вздымаются известные Ариманические существа. И только благодаря продолжающейся деятельности Михаила человек оказывается вооруженным против того, что тут вздымается. Даже физиологически опасно ныне придерживаться просто природной необходимости, этого вида фатализма, который выражается в идее природной необходимости. Так как воспитание, полученное в школе и в жизни в понятиях, которые исходят из просто природной необходимости и основываются на *всемогуществе* природной необходимости, ослабляет человеческую голову, и вследствие этого люди делаются столь *пассивными* в отношении их сознания, где недостает как раз тех сил, что необходимы для принятия в человеческую душу импульса Христа в его современной форме.

Это в некотором смысле мой долг говорить в это время о предмете, о котором я начал речь сегодня (и я продолжу еще завтра): о наступлении известных Ариманических существ, с которыми мы должны считаться. Самые разные люди на земле знают сегодня об этом наступлении. Но они дают ему ложное истолкование, потому что ничего не знают о реальной Троице Христос-Люцифер-Ариман, или же не хотят ничего об этом знать, но смешивают Аримана и Люцифера. Тогда различить их невозможно; тогда невозможно правильно распознать истинный основной характер этих, теперь поднимающихся Ариманических существ. Только если мы отчетливо выделим Ариманическое и распознаем его в его противоположности Люциферическому, — только тогда постигнем мы природу тех сверхчувственных влияний, которые, можно сказать, наступают теперь, как противоположность низвергнутому Михаилом Дракону. Это есть своего рода вздымание, поднятие вверх из Ариманических глубин известных существ. И эти существа находят пункты для атаки человека особенно тогда, если он поддается необузданным инстинктивным импульсам и не стремится к их уяснению себе.

В наши дни существует метод, я назвал бы его антиметод, сокрытия инстинктивных побуждений, заслоняя их нагромождениями понятий, так что становится невозможным составить относительно них правильное суждение. Только подумайте о боевом кличе пролетариата новейшего времени. За этим боевым кличем стоят очень оправданные требования человечества (я достаточно часто разъяснял это). Но взывают не к этим требованиям. В нашей идее тройственного членения общества эти требования выдвинуты впервые. Взывают же к чему-то существенно

иному: *“Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”* Что это значит? Это означает: возвращайте вашу антипатию к другим классам общества; пусть она будет вам свойственна как пролетариям; возвращайте то, что похоже на ненависть, и объединяйтесь, как личности; то есть, любите один другого, соединяйте ваши чувства ненависти, ищите классовой любви, ищите любви к товарищам по классу, вышедшую из ненависти. Любите один другого, исходя из ненависти, или на основе ненависти. Здесь вы нагромождаете рядом два полярно противоположных понятия. Это делает человеческую способность постижения столь туманной, что инстинкты маскируются и человек не знает, с чем это он имеет дело в себе самом. Это и есть как раз тот, своего рода антимерод (если я смею употребить столь парадоксальное выражение), служащий цели сокрыть — посредством современного человеческого мышления — власть инстинктивной жизни, которая дает особенно важные опорные пункты для атаки описанным Ариманическим существам.

Лекция 6

Дорнах, 30 ноября 1919 г.

Вы видели из моих лекций последних дней, что для полного понимания человеческого существа необходимо распознавать его различные члены и прежде всего понимать резкое различие между тем, что мы можем назвать организацией человеческой головы и тем, что составляет остальной человеческий организм. Как вы знаете, остальной человеческий организм состоит из двух членов, так что в целом мы имеем трехчленность, но для понимания важных импульсов в человеческой эволюции, перед которыми мы стоим в настоящее время и в ближайшем будущем различие между головной организацией человека и организацией остального человека наиболее важно.

Если мы таким образом говорим духовнонаучно о человеческом существе, проводя различие между головным человеком и остальным человеком, тогда эти две организации сначала для нас суть большие образы, созданные самой природой для душевного, для духовного, чьим выражением, чьим проявлением они являются. Человек занимает во всей эволюции земного человечества в целом такое место, которое становится понятным только тогда, когда замечают, как различно положение головной организации в этой эволюции по сравнению с остальной организацией человека. Все связанное с головной организацией, и что проявляется как человеческая жизнь представлений именно через голову, есть нечто такое, что уходит далеко в прошлое послеатлантической эволюции человечества (мы пока ограничимся рассмотрением этого периода). Если мы направим взор на то время, которое последовало немедленно за великой Атлантической катастрофой, то есть на время за

шесть, семь, восемь тысячелетий до Христианской эры, то мы найдем господствующими повсюду в странах цивилизованного мира того периода такой душевный строй, который вряд ли можно сравнить с нашим душевным строем. Сознание и постижение мира человеком того времени почти не поддаются сравнению с тем, что характеризует наше восприятие мира внешним чувствам и наше постижение мира в мыслях. В моем “Тайноведении” я обозначил эту культуру, которая существовала в столь древние времена, *древнеиндийской культурой*. Мы можем сказать: головная организация людей того времени, которая тогда была по преимуществу связана с самой головой, отличалась от нашей теперешней; в очень значительной степени, так что расчеты в пространстве и во времени, как это присуще нам, совсем не были свойственны этому древнему народу. Обозревая мир, они охватывали неизмеримые пространственные дали и имели также одновременное переживание различных моментов времени. Отчетливое разделение времени и пространства при постижении мира не существовало в этот древний период.

Первые проблески этого мы находим, примерно, в пятом и четвертом тысячелетиях, а именно, в эпоху, которую мы обозначим как *древнеперсидская*. Но даже и тогда весь строй душевной жизни был еще таким, что вряд ли он может быть сравним с душевным строем и концепцией мира у человека нашего времени. В это древнее время человек всегда интерпретировал все вещи так, что он повсюду усматривал прежде всего резкие различия между светом, светлым и тьмою, темным. Те абстракции, в которых мы ныне живем, были совершенно чужды этому древнему населению земли. Тогда еще существовало нечто от универсального, всеохватывающего восприятия, было сознание проникновения всего видимого светом и его затенения, помрачения различной степенью тьмы. Таким образом понимался и моральный мировой порядок. Человеческое существо, доброжелательное и доброе, ощущалось как светлое, сияющее, а подозрительное, эгоистичное ощущалось как темный человек. Человеческая моральная индивидуальность еще отчасти воспринималась аурически вокруг него. И если бы мы заговорили с человеком этой древнеперсидской эпохи о том, что мы ныне называем распорядком природы, то он ничего не понял бы. Распорядок природы в нашем смысле не существовал в его мире света и тьмы. Для него весь мир был миром света и теней; и в мире звуков некоторые нюансы звучания он обозначал как светлые, сияющие, а другие — как мрачные, темные. Мир для него был миром света и тьмы. И то, что выражало себя через это светлое и темное, было для него одновременно как духовными, так и природными силами. Для него не существовало никакого различия между силами духовными и силами природы. Наше современное различие между природной необходимостью и человеческой свободой показалось бы ему просто безумием, так как этой двойственности — человеческого произвола и природной необходимости — не существовало для него. Все было включено для него в одно духовно-физическое единство. Если я должен дать вам зримый образ характера этого древнеперсидского мировоззрения, то я должен нарисовать

примерно следующую линию (она получит свое полное значение только благодаря тому, что последует дальше) (Рис. отсутствует).

Затем, после того, как этот душевный строй человека держался более двух тысячелетий, появился тот духовный строй, отзвук которого мы можем найти в *халдейском*, в *египетском* мировоззрении и в особенной форме в том мировоззрении, отблеск которого сохранился в *Ветхом Завете*. Там отчасти появилось уже нечто такое, что ближе к нашему современному мировоззрению. Там первые намеки на некую необходимость природы проникают в человеческие представления. Но эта необходимость природы еще далека от того, что мы называем сегодня механическим или также виталистическим распорядком природы; в то время природные процессы еще рассматривались как идентичные с Божественной Волей, с Провидением. Провидение и природные процессы были еще единством. Человек знал, что если он двигает кистью руки, то это Божественное внутри него, пронизывающее его, двигает его кистью, двигает всей его рукой. Когда дерево раскачивалось ветром, то восприятие этого раскачивающегося дерева не отличалось для него от восприятия его движущейся руки. Он усматривал *одну и ту же* Божественную силу, силу Провидения, и в своих собственных движениях, и в движениях дерева. Но была уже разница между Богом вовне и Богом внутри; однако Бог понимался как единство, — Бог в природе и Бог в человеке; Он был тем же самым. И людям того времени было ясно, что есть в человеке нечто такое, через что Провидение, которое вовне, в природе, и Провидение, которое внутри, в человеке, встречаются друг друга.

В это время человеческий процесс дыхания ощущался следующим образом. Люди говорили: Если дерево качается, это — Бог вовне, если я двигаю мою руку — это Бог внутри; если я вдыхаю воздух, перерабатываю его внутри себя и снова выдыхаю, значит это — Бог извне входит в меня и затем снова оставляет меня. Так одно и то же Божественное ощущалось как находящееся и вовне, и внутри; и люди говорили себе: будучи дышащим существом, я являюсь существом внешней природы, и в то же время я есть сам.

Если я хочу характеризовать мировоззрение этой третьей эпохи линией, как я это сделал для древнеперсидского мировоззрения, линией предыдущего рисунка, то я должен характеризовать ее следующей линией. Эта линия передает с одной стороны существование природы вовне, а с другой стороны — человеческое существование, но они пересекаются, встречаются в одном пункте, — в процессе *дыхания*.

Все становится иным в четвертую эпоху, в *греко-латинскую* эпоху. Тут перед человеком резко выступает противоположность между внешним миром и миром внутренним, между бытием природы и бытием человека.

Человек начинает чувствовать противоположность между собой и природой. И если я снова охарактеризую рисунком то, как начал чувствовать человек в греческую эпоху, то я должен обрисовать это так: с одной стороны, он чувствует внешнее, и с другой — внутреннее; между этими двумя мирами нет больше пункта пересечения. То, что человек имеет общего с природой, — в некоторой мере остается вне его сознания. Оно уже выпадает из поля сознания. В индийской культуре йоги пытались

ввести это снова в сознание. Поэтому культура индийской йоги является атавистическим возвращением к более ранним стадиям развития человечества, ибо сделана попытка снова ввести в сознание процесс дыхания, который в третью эпоху ощущался естественным образом, как существующий одновременно вовне и внутри. Четвертая эпоха началась в восьмом столетии дохристианской эпохи. Тогда началось развитие упражнений поздней индийской йоги, посредством которых пытались вызвать обратно атавистически то, чем человечество обладало в более ранние времена и обладало в особенности именно в древнеиндийской культуре, но что было затем утрачено.

Итак, сознательность процесса дыхания была утрачена. И если спрашивают: “Почему культура индийской йоги стремилась вернуть это, чего она, собственно, думала этим достигнуть?” То нужно ответить: “То, чего намеревалась этим достигнуть, было истинное понимание внешнего мира”. Благодаря тому, что в третью эпоху дыхательный процесс осознавался, было постигнуто внутри человека нечто такое, что одновременно было и чем-то внешним.

Это снова должно быть достигнуто, но, однако, иным путем. Мы все еще живем под остаточным влиянием той культуры, в которой двойственность была свойственна строю человеческой души, так как четвертый период закончился только около 1413 года, или в общем, в середине 15-го столетия. Благодаря нашей головной организации мы имеем неполное восприятие природы, — того, что мы называем внешним миром. И благодаря нашей внутренней организации, благодаря организации остального человека, мы имеем неполное знание самих себя. То, в чем мы можем познавать процессы мира и в то же время свои собственные процессы, — выключено, отнято от нас.

Теперь дело заключается в сознательном достижении того, что было утрачено. Это означает, что мы должны приобрести способность овладеть чем-то, что имеется внутри человека и что одновременно принадлежит к внешнему и внутреннему мирам, простираясь в оба.

Это должно быть устремлением пятой послеатлантической эпохи; именно стремление найти во внутреннем мире человека нечто такое, в чем в то же самое время происходит и некий внешний процесс.

Если вы помните, я уже указывал на этот важный факт, я указывал на него в моей последней статье в журнале “Социальное Будущее”, где я подобным же образом коснулся этих вещей в их значении для *социальной* жизни, и где я ясно указывал на необходимость нахождения того, чем человек владеет *в своем внутреннем мире* и что он в то же самое время познает, как процесс внешнего мира.

Мы, люди современности, не можем достичь этого, возвращаясь к культуре Йоги; она — прошлое. Ибо сам процесс дыхания изменился. Конечно, вы не можете теперь доказать это клинически, но процесс дыхания сделался иным после третьей послеатлантической культурной эпохи. Грубо говоря, мы можем сказать: “В третьей послеатлантической культурной эпохе человеческое существо еще дышало душою; сегодня мы дышим воздухом”. Не только наши представления стали материалистическими; *сама реальность потеряла свою душу.*

Я прошу вас не видеть чего-то маловажного в том, что я сейчас говорю. Только подумайте, что это означает, что реальность, в которой живет человечество, сама преобразовалась так, что самый воздух, которым мы дышим, является уже *иным*, чем он был четыре тысячелетия тому назад. Не только сознание человечества изменилось, о нет! В атмосфере земли была ранее душа. Воздух был душой. Ныне это больше не так; или вернее, он является душой, но совсем иной. Духовные существа *элементарной природы*, о которых я говорил вам вчера, проникают в вас, — вы можете вдохнуть их в себя, если вы практикуете сегодня дыхание Йогов. Но то, что было достижимо в *нормальном* дыхании три тысячи лет тому назад, не может быть возвращено искусственно. То, что оно может быть искусственно возвращено, является великой иллюзией восточных людей. То, что я здесь утверждаю, есть описание действительности. Прежней одушевленности воздуха, который принадлежал человеческому существу, более не существует. И, однако, существа, о которых я говорил вчера, — и назвал бы их антимихайловыми существами — способны проникать в воздух и через воздух в человека и таким путем проникать в человечество, так, как я описывал вчера. Мы можем прогнать их прочь только тогда, если вместо йогического применим то, что является *правильным сегодня*. Следует уяснить себе, что мы должны стремиться только к тому, что является правильным для нашего времени, если мы осознаем чрезвычайно тонкие взаимоотношения человека с внешним миром, — осознаем, что в нашем эфирном теле возникает нечто такое, что должно все больше и больше входить в наше сознание, нечто подобное процессу дыхания. В процессе дыхания мы вдыхаем воздух с углеродом. Подобный процесс имеет место во всех наших восприятиях внешних чувств. Вот подумайте, что вы видите нечто, — возьмем радикальный случай — предположим, что вы видите пламя. В этом случае имеет место процесс, который можно сравнить с дыханием, только он гораздо тоньше. Если вы затем закроете ваши глаза, (и вы можете делать подобные опыты с каждым из ваших органов чувств), — так у вас останется *послеобраз* пламени, который постепенно будет изменяться — затухать, как сказал Гете. Помимо того, что является чисто физиологическим, человеческое эфирное тело в значительной степени принимает участие в процессе восприятия светового впечатления и его последующего затухания. Нечто очень, очень важное содержится в этом процессе: он содержит то душевное, которое три тысячи лет назад вдыхалось и выдыхалось с воздухом. И мы должны научиться способствовать процессам восприятия внешними чувствами в их пронизанности душевным, подобно тому, как процессу дыхания три тысячелетия назад.

Видите ли, это связано с тем фактом, что человек три тысячелетия назад жил в своего рода ночной культуре. Яхве возвещал через своих пророков в ночных сновидениях. Но мы должны стараться тонкости нашего интимного общения с миром развить так, чтобы получать не просто чувственные восприятия, но также и духовное. Для нас должно стать несомненным, что с каждым лучом солнца, с каждым звуком, с каждым ощущением тепла и с их потуханием мы входим в душевное взаимное общение с миром, и это душевное взаимное общение должно

стать чем-то значительным для нас. Мы можем иметь поддержку себе в достижении этого.

Я ведь описал вам свершение Мистерии Голгофы в четвертой послееатлантической эпохе, которая, если мы хотим быть точными, началась в 747 году до Р.Х. и закончилась в 1413 году после Р.Х. Мистерия Голгофы произошла в первой трети этой эпохи и была понята в самом начале при помощи отзвуков древнего образа мышления, древней культуры. Этот способ постижения Мистерии Голгофы использован до конца. Он больше не справляется с постижением Мистерии Голгофы. И многие попытки, которые предпринимались, чтобы сделать человеческое мышление способным постичь Мистерию Голгофы, оказались больше недостаточными для достижения этого.

Видите ли, все вещи, которые выступают внешне материально, имеют также свою духовно-душевную сторону. И все вещи, которые выступают, как духовно-душевные, также имеют свою внешне-материальную сторону. Тот факт, что земной воздух стал лишенным души, так что человек больше не дышит прежним одушевленным воздухом, имел значительное духовное влияние на развитие человечества. Так как благодаря способности вдыхать душу, с которой человек был изначально родственно связан (как это стоит в начале Ветхого Завета: “И Бог вдунул в человека дыхание, как душу живую”), человек имел возможность сознавать *предсуществование* души, бытие души до того, как она спустилась в физическое тело через рождение, или, вернее, через зачатие. С той же постепенностью, как процесс дыхания переставал быть одушевленным, человек терял сознание предсуществования души. Уже во времена Аристотеля, в четвертой послееатлантической эпохе, никак невозможно было прозревать — посредством человеческой способности постижения — предсуществование души. Это было больше совершенно невозможно.

Мы стоим перед примечательным историческим фактом, что величайшее событие, событие Христа, вторглось в эволюцию Земли и, однако, человечество должно было сначала стать зрелым, чтобы постичь его. В начале оно было еще способно схватывать лучи света Мистерии Голгофы древними остатками способности постижения, восходившими к первоначальной культуре человечества. Но затем эта способность постижения постепенно утрачивается, и догматика все дальше и дальше отходила от понимания Мистерии Голгофы. Церковь запрещает веру в предсуществование души не потому, что предсуществование несовместимо с Мистерией Голгофы, но потому, что человеческая способность постижения перестала с силой испытывать сознание предсуществования души, так как воздух стал лишенным души. Предсуществование исчезает из головного сознания. Когда наши ощущения, получаемые через внешние чувства, *станут снова одушевленными*, тогда мы опять будем иметь пункт пересечения и в этом пункте мы овладеем человеческой волей, которая устремляется вверх из третьего слоя сознания, как я описывал Вам в эти дни. И тогда мы одновременно достигнем того субъективно-объективного, которого так жаждал Гете. Мы тогда опять будем иметь возможность утонченным образом в первую очередь постичь то, сколь замечательно этот процесс

восприятия человека посредством внешних чувств находится во взаимоотношениях с внешним миром. Представления о том, что внешний мир, мол, просто действует на нас, а мы, в свою очередь, просто реагируем на него, грубы и топорны. В действительности здесь имеет место душевный процесс, идущий извне вовнутрь, которым овладевает глубокое подсознание, внутренний душевный процесс, так что оба процесса взаимно охватывают мысли, изнутри наружу действует человеческая воля. *Человеческая воля и космические мысли пересекаются*, встречаются в этом пункте пересечения, подобно тому, как прежде объективное и субъективное пересекались, встречались в дыхании. Мы должны научиться чувствовать, как наша воля действует через наши глаза и как на самом деле к активности внешних чувств едва заметно примешивается та пассивность, через которую осуществляется пересечение космических мыслей и человеческой воли. Мы должны развивать эту *новую Йогу воли*. И тогда будет сообщено нам нечто подобное тому, что сообщалось человеческим существам в процессе дыхания три тысячелетия назад. Наше положение станет гораздо более наполненным душой, гораздо более духовным.

Мировоззрение Гете стремилось в этом направлении, хотел распознать *чистый феномен*, который он называл первичным феноменом; при этом он только сопоставлял то, что действует на человека во внешнем мире, не примешивая к этому Люциферических мыслей, которые исходят из головы самого человека; это мышление должно было служить только для сопоставления феноменов. Гете стремился к отысканию не законов природы, а лишь первичного феномена; это было важным для него. Но если мы приходим к этому чистому феномену, к этому первичному феномену, тогда мы имеем во внешнем мире нечто такое, что делает возможным для нас почувствовать развертывание нашей воли при восприятии внешнего мира и затем мы снова поднимаемся к чему-то *объективно-субъективному*, какое еще содержалось, например, в древнееврейском учении. Мы должны не просто говорить всегда о противоположности между материальным и духовным, но мы должны научиться распознавать взаимодействие материального и духовного, как некоего единства, именно в восприятиях внешних чувств. Если мы не смотрим более на природу только материалистически и не примышляем ей нечто душевное, как это делает, фантазируя, Густав Теодор Фехнер, тогда возникает нечто такое, что будет означать для нас то же, что культура Яхве означала для человечества три тысячелетия тому назад. Если мы научимся сопереживать вместе с восприятиями внешних чувств душевное в природе, тогда мы будем иметь взаимосвязь Христа с внешней природой. Эта взаимосвязь Христа с внешней природой станет тогда чем-то вроде духовного процесса дыхания.

Наш здоровый человеческий рассудок будет помогать нам понять все больше и больше, что предсуществование лежит в основе бытия нашей души. Мы должны дополнять чисто эгоистическое представление, которое возникает просто из нашего желания существовать после смерти, — знанием о предсуществовании души. Мы должны снова — иным способом, чем прежде — подняться до восприятия действительной вечности души.

Как раз это и может быть названо *культурой Михаила*. Если мы шествуем через мир с сознанием, что с каждым взглядом, который мы направляем вовне, с каждым звуком, который мы слышим, нечто духовное, или, по меньшей мере, нечто душевное струится в нас, и что в это же самое время мы устремляем наше душевное во внешний мир, тогда, значит, мы достигли того сознания, которое нужно человечеству для будущего.

Я возвращаюсь еще раз к образу: вы видите пламя. Вы закрываете глаза и имеете после образ, который затухает. Является ли это просто субъективным процессом? Да, говорит современный физиолог. Но это не верно. *В космическом эфире* это означает объективный процесс точно так же, как наличие в воздухе углекислоты, которую вы выдохнули, означает объективный процесс. Вы запечатлели в космическом эфире образ, который вы ощущаете только как затухающий остаточный образ. Это — не просто субъективный, это — объективный процесс. Вы имеете здесь дело с объективным; вы имеете возможность тут распознать, как нечто такое, что разыгралось внутри вас, является в то же время тонким космическим процессом; только надо осознать это. Если я смотрю на пламя, затем закрываю глаза и даю ему угаснуть (в моем переживании), — оно угасает и тогда, когда я держу глаза открытыми, только тогда я не замечаю этого, — тогда я переживаю процесс, который происходит не только во мне, но имеет место и в мире. Но это так не только в отношении восприятия пламени. Я встречаюсь с каким-то человеком и затем говорю: этот человек сказал то или это, что может быть верным или ложным; это есть суждение, моральный или интеллектуальный акт, совершенный в моей душе. Это затем угасает, подобно восприятию пламени. И это есть объективный мировой процесс. Вы подумали что-нибудь хорошее о ближнем, и оно угасает и является объективным процессом в космическом эфире; вы подумали нечто злое — и оно угасает как объективный процесс. Вы не можете запереть внутри себя, как в шкатулке, свои восприятия и суждение о мире. Вам кажется, что Вы несете их в вашем собственном существе, но они в то же время являются объективным мировым процессом. Так же, как люди третьей эпохи сознавали тот факт, что процесс дыхания — это процесс, происходящий одновременно внутри человека и объективно в мире, так человечество должно осознать в будущем, что душевное, о котором я говорил, является в то же время объективным мировым процессом.

Это преобразование сознания требует большей силы души, чем обыкновенно развитая человеком в наши дни. Пронизать себя таким сознанием означает — дать войти в себя культуру Михаила. Как было самоочевидным для человека второго, третьего, дохристианского тысячелетия, думать о *воздухе*, как о содержащем душу (и он содержал душу), так должно стать самоочевидным для нас — думать о *свете*, как *содержащем душу*; мы должны добиться этого, считая свет главным представителем восприятий внешних чувств вообще. Мы должны основательно избавиться от привычки видеть в свете то, что наш материалистический век привык в нем видеть. Мы должны совершенно перестать верить, что это только вибрации, излучаемые Солнцем, о которых говорят физики и люди вообще, исходя из нынешнего общего

уровня сознания человечества. Нам должен стать ясен тот факт, что душа проникает через космическое пространство на крыльях света; и мы в то же время должны понять, что так не было в эпоху, предшествовавшую нашей эпохе. Вы видите объективную разницу, наступившую в процессе развития Земли. Обобщая это в понятиях, мы можем сказать: *процесс восприятия одушевленного воздуха, затем процесс восприятия одушевленного света*. Именно это может быть наблюденно в эволюции Земли. Мистерия Голгофы означает переход от первого процесса ко второму.

МИСТЕРИЯ ГОЛГОФЫ

Процесс восприятия
одушевленного воздуха

Процесс восприятия
одушевленного света

Недостаточно для человечества нашего и будущего времени говорить абстрактно о духовном, впадать в некоторого рода туманный пантеизм и т.п.; наоборот, мы должны начать распознавать то, что нынешние люди ощущают как всего лишь материальный процесс, пронизанный своей духовностью.

Дело в том, чтобы научиться говорить: “Было время, предшествовавшее Мистерии Голгофы, когда Земля имела такую атмосферу, в которой была душа, которая была связана с душевным в человеке. Ныне земля имеет атмосферу, лишенную душевного, входившего в душу человека. Взамен то же самое душевное, что было ранее в воздухе, вошло теперь в свет, который охватывает нас с утра до вечера. Это стало возможным благодаря тому факту, что Христос соединил себя с землей. Таким образом, воздух и свет в душевно-духовном аспекте подверглись изменению в ходе эволюции Земли”.

Это — ребяческая претензия, чисто материалистически описывать свет и воздух одинаковыми на протяжении всех тысячелетий, в которых развертывалась эволюция Земли. Воздух и свет изменились внутренне, они стали другими. Мы живем в атмосфере и сфере света, совершенно отличных от тех, в которых жили наши души в прежних земных воплощениях. Научиться распознавать внешне материальное как душевно-духовное, — вот в чем дело. Если люди в привычной ныне манере описывают чисто материальное бытие, а затем прибавляют, как своего рода декорацию, — это материальное везде содержит духовное, — то таким образом не создать подлинной духовной науки. Да, люди очень странны в этом отношении; они ныне склонны вполне довольствоваться абстракциями. А необходимо следующее: в будущем мы должны прекратить абстрактное различие между материальным и духовным, но должны искать духовное в самом материальном и описывать его как одновременно и таковое; и мы должны распознавать в духовном переход его в материальное и его способ действия в материальном. Только действительно достигнув этого, будем мы в состоянии добиться истинного познания самого человека. *“Кровь есть совсем особенный сок”*, но жидкость, о которой говорят сегодня физиологи, совсем не *“особенный сок”*, это — просто жидкость, химический состав которой пытаются анализировать тем же путем, как анализируют другие вещества; она не является ничем особенным. Но если мы достигнем, как отправного

пункта, способности постижения метаморфозы воздуха и света в верном аспекте души, то мы заново постепенно продвинемся к душевно-духовному пониманию самого человеческого существа во всех его членах. И тогда мы не будем иметь абстрактную материю и абстрактный дух, но — дух, душу и тело в их взаимодействии. *Это и будет Михаилова культура.*

Вот чего требует наше время. Это должно быть постигнуто, усвоено всеми фибрами душевной жизни тех людей, которые хотят понять настоящее время. Когда нечто, отличное от обыденного, должно быть введено в человеческое мировоззрение, оно всегда встречает длительное сопротивление. Я часто приводил следующий, милый в своей глупости, пример. В 1837 году (менее столетия тому назад) запросили ученую Медицинскую Коллегию Баварии, когда была предложена постройка первой железной дороги от Фюрта до Нюрнберга, будет ли такая железная дорога допустима в гигиеническом отношении? Медицинская Коллегия ответила (я рассказываю вовсе не сказку, существуют документы об этом): Такая железная дорога не должна строиться, так как люди, которые будут пользоваться подобным способом передвижения по земле, станут нервными. И было еще добавлено: Если же найдутся люди, настаивающие на строительстве подобных железных дорог, тогда абсолютно необходимо возвести справа и слева от железнодорожного пути высокие дощатые заборы: чтобы предохранять людей, мимо которых будут проходить поезда, от сотрясения мозга. Да, здесь вы видите одно такое суждение, которое рухнуло; а другое, подобное ему, касается хода развития человечества. Сегодня мы смеемся над таким документом, который выдала Баварская Медицинская Коллегия в 1837 г., и, однако, мы не совсем оправдано посмеемся: ибо, если что-либо подобное случится сегодня, люди поступят опять таким же образом. И в конце концов Баварская Медицинская Коллегия была не совсем права. Если мы сравним состояние нервов современного человечества и людей две сотни лет назад, то мы можем сказать, что люди стали нервными. Возможно, Медицинская Коллегия немного преувеличила, но все же люди стали нервными. В настоящий момент настоятельно необходимо для поступательного развития человечества, чтобы некоторые импульсы, которые стремятся войти, действительно вступить в эволюцию Земли, не были бы отброшены. То, что время от времени хочет проникнуть в развитие человеческой культуры, очень часто оказывается неудобным для людей, но то, что является долгом по отношению к развитию человеческой культуры, должно быть осознано, исходя из объективных фактов, и не должно проистекать из человеческой склонности, хотя бы и самой утонченной, к собственному удобству. Я заключаю сегодняшнюю лекцию этими словами потому, что без сомнения будет происходить все более усиливающаяся борьба между антропософическим познанием и различными другими убеждениями. Признаки этого мы видим со всех сторон. Убеждения, исповедания, которые хотят остаться на старых, избитых путях, которые не хотят подниматься к новому познанию Мистерии Голгофы, укрепят свои сильные боевые позиции, которые они уже заняли, и будет очень легкомысленно, если мы не осознаем того

факта, что эта битва уже началась.

Я сам, можете быть уверены, не стремлюсь к такой борьбе (особенно к борьбе с Католической Церковью), которая, по-видимому, навязывается нам с таким ожесточением другой стороной. Кто достаточно хорошо знает глубокие исторические импульсы верований нашего времени, тот не будет стремиться бороться с освещенным веками установлением. Но если битва нам будет навязана, она не может быть избегнута! Духовенство наших дней ни в какой мере не склонно открывать двери тому, что *должно* войти, а именно, духовно-душевному постижению. Вспомните то странное, как гротеск, высказывание, которое я вам недавно приводил, где говорилось, что люди должны знакомиться с антропософически направленной духовной наукой только по трудам моих противников, так как католикам запрещено Папой читать мои собственные сочинения. Это — не смешное, пустое дело; это — очень серьезное дело! Вражда, которая выступает таким образом, которая способна распространять в мире подобные суждения, — к ней нельзя относиться легкомысленно. И это в особенности потому, что мы не вступаем в такую борьбу с легкостью, охотно. Возьмем пример с Католической Церкви (дела обстоят таким же образом и в отношении Протестантской Церкви, но Католическая более могущественна): тут мы должны считаться с освященными веками установлениями. Если кто-либо понимает значение облачения священника, когда он читает Святую Мессу, значение каждой отдельной части его священнического облачения, — если он понимает каждый отдельный момент Святой Мессы, тогда он знает, что это есть издавна священные, достойные почитания, установления. Это — установления более древние, чем христианство; ибо, Святая Месса — это древний культ мистерий, только преобразованный в христианском смысле. И нынешнее духовенство, применяющее описанные выше приемы борьбы, живет в своем культе! Поэтому, если имеют, с одной стороны, глубокое почитание существующих культов и символов, и видят с другой стороны, какими дурными средствами их защищают, и с какими дурными приемами ведется нападение на то, что хочет войти в развитие человечества, тогда отдают себе полный отчет в серьезности, которая необходима, чтобы тут занять должную позицию. Это поистине достойно глубокого изучения и внимания. То, что таким образом провозглашается той стороной, это есть только начало; и неправильно было бы проспать это; наоборот, мы должны заострить наше внимание на это! В течение двух десятилетий, в которые Антропософическое движение развилось в Средней Европе, мы могли быть снисходительны к сектантской дремоте, с которой было так трудно бороться в наших рядах, и которая еще сегодня сидит, глубоко укоренившись, в душах людей, вошедших в Антропософическое движение. Но прошло то время, когда мы могли позволять себе снисходительность к сектантской дремоте. То, что я так часто здесь подчеркивал, глубоко верно, а именно, что необходимо, чтобы мы постигли всемирно-историческое значение Антропософического движения, и, не обращая внимания на мелочи, в то же время считались бы и с малыми импульсами так же, как и с серьезными и большими.

